

ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА
АСЕЕВА

СКАЗ

про сестрицу Алёнку
и братца Орея

Елена Асеева

**Сказ про сестрицу
Алёнку и братца Орея**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Сказ про сестрицу Алёнку и братца Орея / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856876-3

Удивительная по красоте легенда о битве бога Перуна и Скипер-зверя в сплетении с мифологией славян и русскими сказками унесет читателя в увлекательное приключение, познакомит с замечательными духами, существами и созданиями, населяющими Явь, Навь, Синюю Сваргу. В это невероятное путешествие читатель последует вместе с сестрицей и братцем, Алёнкой и Ореем, своим ходом несущими новую эру, обычаи и знания славянам и самой Яви.

ISBN 978-5-44-856876-3

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Аленка и Орей	8
Глава вторая. Земляничница	13
Глава третья. Братцы колтки	18
Глава четвертая. Дедушка Гаюн	23
Глава пятая. Копша	30
Глава шестая. Справедливый судья леса	36
Глава седьмая. Истинное имя кома да сынки Святобора	41
Глава восьмая. Через берлогу в межмирье	47
Глава девятая. Безобразный Кадук и новые спутники	53
Глава десятая. Жар-птица	60
Глава одиннадцатая. Огненная, смрадная река	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сказ про сестрицу Алёнку и братца Орея

Елена Александровна Асеева

*Посвящаю эту книгу моей дорогой,
Ланочке Донченко,
в благодарность за поддержку и дружбу.*

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Елена Александровна Асеева, 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6876-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

То были времена кады по землице-матушке боги славянские хаживали...

А в Небесной Синей Сварге нежданно-негаданно, а вернее ожидаемо загремел гром, засияли небеса зарницами огня, и в сверкании молний родился, явился Перун Сварожич, сын Сварога, единого бога Вселенной, и, Лады, старшей Рожаницы, богини Мирового Лада. Да, не успели отец и мать, Сварог и Лада, возликовать тому чудному явлению сыночка, как младенца коварно похитил лютый Скипер-зверь. Тот самый Скипер-зверь каковой родился в свой срок от Чернобога, повелителя Навых глубин, одного из Верховных богов Яви. Оно, это рождение Скипер-зверя, было дюже поспешное, оттого и выродилось такое престрашное чудовище. Было оно, это чудовище, сотворено от обиды. А в обиде, и так ясно, чего не сбудется, привидится, какое уродство из тебя не вылезет.

Вот и здесь, таковое же случилось.

Вылезло из Темновита, завсегда ведущего все к разрушению, эта страхолюдина, это уродство... И давай, такая зловредина, по Яви рыскать людишек пугать, давай в Небесную Синюю Сваргу лезть богов тревожить, давай детишек Ладиных уводить. И коль Перунушку Скипер-зверь в Яви в глубоком подземелью схоронил, то сестриц его: Живу, Марену, Лелю утащил в дальние земли, сомкнув их образы для матери и отца, для старших братцев, для сродников.

И началось в Яви невесть что...

Перепутались времена года, то в середине лета снег пойдет, то в начале зимы цветы зацветут, то весной дождя не дождешься, то осенью на двор не выйти так хлещет, реки из берегов выступают, оземь водами заливая. А все потому что нет как нет сезонных повелителей, богинь Лели и Марены, нет и Живы богини жизни, да и не кому управляться с громом, грозами, молниями абы тот кому они подчиняются крепко спит в глубине Мать-Сыра-Земли.

А в Яви тем временем рыскает и тешится Скипер-зверь нет на него управы, не найдется поколь на него той силы оная может защитить от притеснения славянский люд, от полона девчужек и ребятушек, от пожара деревеньки, да поселения.

Коли были бы средь славян воители, кои владели оружием и сражались с неприятелем, может и вызвали они это чудовище на бой!

Коли были бы средь славян волхвы, кои владели скрытыми силами природы, может и провели они волшбу!

Ан, нет!

Нет! среди славян поколь воителей. Нет! поколь и волхвов.

Это простой люд, каковой землю пашет и тем самым живет.

Посему и некому защитить славян, некому обучить их воинскому делу аль ведовству. И остается простым таким землепашцам-оралам лишь полагаться на родных богов. Остается почаше имена их славить и в том, надеяться, что боги их в беде не покинут и Скипер-зверя, непременно, одолеют, так как было дотоль всегда.

И идут, таким побытом, год за годом.

Пуржит зима, лютует гроза, плачут бабенки и детушки, а в Небесной Синей Сварге тем стенаниям люда славянского вторит сама Лада, супруга Сварога. Богиня, как заступница семейного счастья и очага, больше всех печалиться за людей. Да и стонет ее сердечко по собственным детушкам, дочуркам и сыночку, похищенным и от взгляда родительского, гдей-то схороненных.

– Не плачь, не кручинься сестрица Ладушка, – увещевает ее Макошь, коя из века в век держит в руках нити судеб, не токмо людских, но и божественных. И порхают в ее тоненьких белых пальчиках переливающиеся всеми цветами радуги тончайшие паутинки судеб. – Сту-

пай-ка ты в раздолье Синеи Сварги, собирай сродников своих, дабы они находжали Перуна. Абы смерть Скипер-зверь примет токма от рук сынка твоего меньшого.

И послушалась Лада Богородица, Макошь премудрую, и отправилась она к сродникам. Да пройти Явь, шаром плывущую во Вселенной, нельзя за один день, аль за год, а Небесную Синюю Сваргу, что привольем красок наполняет Мир, и за сто лет не обойдешь, сродников дозовешься и соберешь. Ужотко Лада ни одну обувку стоптала, ни один сарафан сменила поколь, как и указывала Великая Ткачиха, плетушая замысловатые узоры самой Вселенной, не созвала родичей: Велеса, Хорса и Стрибога. И тогда сын коровы Земун, владыка солнечного светила, да правитель воздушного пространства, Ветрыла, направились на поиски меньшого своего сродника.

Долго аль коротко искали боги, Перуна, не о том ноне сказ ведется...

Однако, обратившиеся в птиц волшебных Гамаюн, Алконост и Стратим, боги успели облететь всю Вселенную, побывать в Синеи Сварге, обозреть Навь и людскую Явь. И, так-таки, сумели они вызнать место схрона Перуна Сварожича, по приметному колыханию в том краю землицы-матушки. А сам схорон заложен камнями стопудовыми, забит щитами дубовыми, заколочен дверями железными, засыпан песком крупинчатым, не пройти те преграды богам, сродникам сына Сварога. Стоит Стрию подуть на пески, как они за землицу крупинками хватаются. Стоит Хорсу их лучами солнечными обжечь, как они в камень оборачиваются. Стоит Велесу их волшбой откинуть, как они рьяными волнами вспять колышутся.

И так боги бьются и этак, а всего-навсего, что и сумели общими силами сделать лишь верхний слой песка да землицы убрать, сметав их в кучугуры. А пред ними новое преткновение: запечатанные вровень с землей железные о две створки врата. Да нет на тех воротах засова. Нет и малой трещинки меж створками. Нет и тончайшей прорехи в землице. Никак те врата не вскрыть, сковырнуть. Никак промеж них не пролезть. Ни Стрибогу, ветрами повевающему, ни Хорсу, лучами управляющему, ни Велесу, в любое создание обращающемуся. Так и замерли, затихли над теми воротами боги, пригорюнились, да задумались чего дальше делать.

А все потому врата не открывались, что в Яви должно не только богам восставать супротив Скипер-зверя, но пришло время и людям славянским подняться. Простым таким землепашцам: мужикам, бабам, парням, девчинкам, ребятушкам, каковых когда-то выглядев в Яви Сварог, подивившись, славными величал.

Ведь оно и дитю не разумному ведомо, что победа над злющим чудищем не токмо в ведовстве Велеса, огне Хорса, ветре Стрия зиждется, но на худенькие, костлявые плечики маханькой девчушки, и на тоненькие ручонки (такого же летами) мальчонки порой опирается. Словом победа та нежданно-негаданно оказалась в руках двух ребятушек, сестрицы и братца, каковых до сих пор Макошь сберегала в небольшой деревушке, посередь густого леса, и долгой, прикорнувшей обок нее, тихонечко покачивающей свои зеленые воды, реке.

То были времена кады по землице-матушке боги славянские хаживали, а люди жили землепашеством и не имели никаких иных знаний али способностей. Времена кады славяне имена богов своих, отцов своих и предков славили и тем самым нить родства не перерубали...

Это пока не сказка, а присказка. Ведь присказка поперед сказки маячит, путь-дорожку для нас выстилает, а какова та стёженька не поймешь, не узнаешь покуда ее не пройдешь, покуда ноженьками не вымеряешь.

Это все присказка, а сказ он доколь еще впереди...

Глава первая. Аленка и Орей

– Алёнушка, Орюшка! Иде то вы, озорники! – пронесся чуть растянутый беспокойством говорок по лесной чаще. И тотчас будто отразился от шероховатых, бурых стволов и ветвей могучих елей, каковые окружали эту небольшую полянку, бугорком приподнявшуюся над всей остальной местностью. То скорей всего земляца-матушка нарочно так извернулась, дабы кулигу подставить под лучи солнышка с тем, не токмо осветив, но и согрев покрывающие ее растения. Ибо росли на прогалинке не деревья, не кусты, и даже не травы, а стлались по всей той макушке, переплетаясь с опавшими сучьями, поваленными и почитай, что полусгнившими стволами, с полувросшими в землю кудлатыми ото мха камнями, кустики земляницы. Ее ползучие побеги столь густо прикрывали почву, что ничего под ними больше и не просматривалось. Впрочем, посреди той скученности стеблей хорошо наблюдались возвышающиеся и легошенько вздрагивающие темно-зеленые с острыми зубцами листочки, покачивающиеся рыхлые, белые соцветия и приветливо кивающие красные плоды земляницы.

Столь густо окружающие эту маленькую опушку тенистые леса, также единодушно колыхали своими лапстастыми, поникшими ветвями, и, перебирая тончайшими хвоинками, желали чего-то спеть. Зеленые, вроде только сей миг принявшие убранство, стройные ели тянули свои вершины к небесному куполу, перенимая его насыщенную лазурь на тонкие хвоинки, каковые в переливах солнечных лучей казались прозрачно-голубыми. Иноредь они выхватывали на свои макушки перьевые хвосты белых облаков, не то, чтобы плывущих в небесах, всего-навсего неприметно колыхающих своими округлыми боками. Хотя облака если и можно было увидеть так только с этой полянки. Поелику все остальное пространство плотно смыкалось густым лесом и не только вершинами елей, но и кронами лиственниц, сосен, пихт, кедра. Однако красное дерево тянулось в этом краю не повсеместно, а почасту перемешивалось зелеными нивами, выступающими мощными вязами, дубами, каштанами, да более миловидными липами, березами, осинами. Полные воды зеленые реки извивались между теми гаями, хороня свои крутые али вспять того пологие берега в приземистых деревьях ракут, покачивающих опущенными вниз ветвями покрытыми зеленой или серо-белой листвою.

– Алёнушка, Орюшка! Ах! Вы неслухи, таковые! А коли заплутаете в чашобе? – наново наполнилась полянка недовольным говорком бабушки Обрады, и сама она, наконец, выступив из-за ели с прищуром оглядела покоящейся пред ней земляничник, точно нарочно кем-то посаженный.

Алёнушка...

Орюшка...

Эх, девонюшка...

Эх, мальчонка...

Сестрица, да братец, в единый час у матушки и батюшки родившиеся, и с тех пор всю их большую семью покоя лишившие. А бабушке Обраде и того больше других достается. Ибо очень любит она младших внучат. А те пострелята любовью бабушкиной и пользуются в ущерб своему росту. Абы стоит Обраде взгляд от тех баловней отвести, уж нет как нет ребятишек на прежнем месте, лишь веточки или травушки покачиваются, вроде тоже на озорство кручинясь, потому и обозначая след чад непоседливых. Подсказывая, куда эти шалуны убежали, под каким кустом схоронились, за каким деревом притаились. Только смех их задорный и слышится, капелью перепрыгивает с листочка на листочек, перескакивает с ветки на ветку, да и ныряет в сами травы, цветы, наполняя ароматами услады эти затаенные края, полные зверья, птиц, деревьев и растений.

Видно, братцу и сестрице тягостно сдерживать свою радость, нейдет им от жизненных сил. Обаче в полный голос не смеются ребяташки, сдерживаются поколь бабушка не начнет их звать, да причитаючи сказывать:

– Неслухи вы оба, Алёнка да Орей! Ужот-ко вельми вас старчие закахали, а надобно лозой раKITной окатить. – Брешет Обрада насчет лозы, никады даже ладошкой не окатит она внучат своих, то молвит так только для острастки. – Ну, добре, Орей, мальчоня брыкливый. Но ты, Алёнушка, помнишь чё девчурочке надобно быть послушливой. Да и старше ты Орюшки, должна слыть образцом для него. А какой эвонто образец, ежели ты первая в кустах хоронишься.

То Обрада сызнава выдумывает. Никак Алёнка не старше братца, всего-навсего чутьком раньше него родилась, всего-навсего один вздох раньше него сделала. Хотя во всем остальном бабушка правду сказывает, конечно, заласкали старшие младших. Еще бы ведь Орюшка да Алёнушка младшие в семье, в большой славянской семье, которая жила в избе под единой крышей, где истари все землепашцами значились. Оно ясно, что умели в славянских семьях охотиться, скотину разводить, плотничать, кузнечить, да только все это, непременно, переплеталось с землей-матушкой, на оной жили, оную любили и уважали.

Земли-то в те времена вдосталь имелось, вся она была покрыта раздольными пажнями, густыми лесами, широкими реками, глубокими озерами, непроходимыми болотами. Посему жилось на ней вольно, да пожалуй, что и счастливо, если бы не Скипер-зверь, каковой часточко на славян набегу устраивал, желаючи перевести такой благолепный люд.

Ясно ведь, что по юности мы все имеем тот самый благолепный образ, а именно выглядим красиво да дарим благо. Ну, а там с годами взросления уж у кого как получится. Иной по прямой тропке ступит, другой вкрив и вкось пойдет, а третий...

Про третьего и вовсе толковать не стоит.

И оттого, куда ты направился, меняются сами помыслы и весь образ твой. Поелику образ, который тебя представляет, и сам несет в себе суть предназначения и существования. И наблюдаем мы Явь благодаря тем самым образам, светлым ли, темным... не о том ноне сказ, то все присказка...

А касемо славян так народ тот юным слыл еще, понеже и образ его смотрелся милым, поступки благими. Юноши у славян были все как на подбор статными молодцами, а девицы стройными красавицами. Мужики да бабенки, большак и большуха, управляли семьями, где всегда почитали стариков-родителей, ценили и любили многочисленных чад. Да, чего уж тут говорить, коль семья в ладу с землей живет, в ней детушки рождаются, как всходы, и приносят они радость, счастье, да тяготой никогда не будут. А посему младший туто-ва завсегда усладой станет, и старший лишним кусочком поделится с ним, да любую непоседливость его не приметит.

Вот и Алёнку с Орюшкой любили и баловали, меньших значит ребяташек отца и матери, а больше всех кахала их бабушка Обрада. Поелику сестрица да братец, были, близнецами, и больно на нее похожими, даже сейчас, несмотря на побуревшую от прожитых лет, покрытую морщинами кожу, да седину, где, кажется, не столько прибавилось темных волос, сколько побеленных. У ребяташек же вспять того волосики лежали густыми ровными прядями, почитай ковыльного цвета, напоминающими пушистые хвосты появляющиеся на стебле этого растения после цветения. Волосы Орея были чуть короче Алёнкиных, хотя им обоим до семи годков, как и полагалось, космы не стригли (дабы не лишить чад здоровья и сберечь теми самыми власами связь с богами и предками). Но за прошедшие два лета у сестрицы они доросли почитай до середины спины, а у братца лишь до плеч. Видно, потому как девчужке их укоротили на самую толику, ведь славяне помнили наказ Лады Богородицы беречь власы и заплетать их в косы. Да только косы славяне не больно плели, побольшей частью любили хаживать простоволосыми, одевая на головы очелья. Лобные твердые повязки, кои для детворы и мужей делали

лубяными, берестяными али тканными, для девиц и женщин тонкими металлическими к каковым крепили отвесные полосы, рясны, служившие украшением и, единожды, оберегом.

Алёнка и Орей зачастую носили берестяные очелья, ведь это дерево почитали славяне, полагая, что оно забирает боль и дарует здоровье. А бело-соломенные, плетеные очелья дюже красиво смотрелись на детках, придавая их бело-розовой, словно прозрачной коже (так, что сквозь нее виднелись голубые жилы, по которым текла алая кровь) легкое курение света. Одначе то так лишь казалось, чай, возникая в переливах лучей красна солнышка. Голубые глазки детишек, чуть светлее у сестрицы, чуть серей у братца, располагались в глубоких глазницах, понеже и чудились небольшими, едва прикрытыми ниточками белесых, изогнутых бровей и того же цвета частыми, длинными ресницами. Такими же не крупными были их носики с маленечко вздернутыми кверху кончиками и узкими подбородки да лбы. Однако не были детушки худенькими, вспять оба смотрелись крепкими да сбитыми. Может статься, оттого и лица их были округлыми, а губы полными, ярко красными, лоснящимися, словно тока миг назад Орей да Алёнка сметанки покушали.

Такой ладной была и сама Обрада...

Была когда-то в отрочестве...

Тады и волосики у нее ковылем лоснились, и глазоньки лазурью небес отливали, и образ ее был такой же здоровый косностью, и ерзой она слыла не меньшей. Да опять же вот так и ее кадый-то в лесу бабушка выкрикивала, подзывая к себе, да не слышалось в том зове негодования али сердитости, только порой перекатывалась от звука к звуку смешинка. Ибо и ее бабушка, и сама Обрада, души не чаяли в своих внуках, несомненно, примечая в них себя в дни отрочества.

А нынче образ Обрады дородством пышет и руки у нее пухлые, мягкие они все больше от той упитанности, не от юности, как у Алёнки и Орея. Да только бабушка тому лишь радуется, она ведь понимает, что после ее ухода из Яви останутся тут жить ее дети, внуки, да Алёнка с Ореем, точно с нее срисованные. А потому продолжится род славянских землепашцев, каковые даже в имена вкладывают тот почетный труд. Абы и величание Ория, означает – землепашец, пахарь, и содержит в себе понятие орать, пахать оземь. Будут жить потомки Обрады и нести в себе веру в богов светлых, родных, каковые их когда-то высеяли в Яви. Поелику ведают славяне, что горит в каждом из них искра бога Сварога, большака богов, покровителя кузнечного дела и ремесел, умений всяческих, кои для землепашества и быта надобны. Бога, который и научил людей пахать, сеять, огнем да железом пользоваться и завсегда жить семейным укладом. Это любой славянин с малолетству знает, что кады-то от кузницы Владыки Мира Сварога, с Синей Небесной Сварги, прилетела в Явь молния, и, ударивши о землю-матушку зачалась огнем, так и появился первый очаг. А уж из угольков того огнища родились люди, Муж да Жена, Мужчина да Женщина. Ведают славяне, что именно Лада, большуха богов, покровительница женщин, детей, семейного союза, любви и женских дел, собирает после смерти души, оные превратились в искры огня Сварога и несет их в Явь, дабы вложить в лоно жен, жаждущих зачать дитя.

– Алёнушка, Орюшка! – в который раз позвала внучат Обрада, да сделав несколько шажочков вперед, подмявши ногами земляничные кустики, вышла из тени ели, в сиянии солнечных лучей поигрывающей зелено-голубой пеленой, на опушку. Бабушка недовольно качнула своей крупной головой, самую толику взволновав седые, длинные пряди волос, все еще густые и укрывающие плечи, видимо, тем проявляя недовольство, а потом неожиданно резко оглянулась. Обрада днесь даже не успела вздохнуть, поставить на оземь небольшую плетеную из лозы корзину, как из леса, на полянку вылез густой черный дым. Словно чей-то огромный язык, он махом окутал ее образ, а после принялся плескаться сразу во все стороны: вверх, вправо, влево и даже вниз, черно-сизые долгие чадные лохмотки.

А уже в другой момент, вся кулига, и лес, и небесный свод с власами облаков на нем, и само красно солнышко сокрылось в том плотном черном киселе, где схоронившимся обок ствола ели, под ее могучими ветвями, сестрице и братцу стало тягостно вздохнуть. Попервому вздохнуть, а опосля и выдохнуть. А дотоль плывущий округ кислотоватый аромат хвои сменился на горечь, вроде в рот детишкам сунули уголек из печурки. Перекачивающая же своими парами морока, теперь погасила все звуки, досель живущие в гае и отдельными рыками, трелями, шипением, жужжанием, треском, хрустом, создающая его многозвучье, а потом вспять наполнилась далекими окриками да воплями людей, и совсем близким ревом звериным, свистом соловьиным, шипением змеиным. И того дикого гула испугавшись, ребяташки торопливо с корточек вскочили, да ладошками уши закрыли, головами замотав, принялись Обраду звать-величать:

– Баушка! Баушка! Идей-то ты? Чё эвонто за гам?

А Обрада деткам в сей раз не откликнулась, руками мягкими к груди их не прижала, сберегая от печали и бедствий...

Лишь сильнее кругом засвистело, зашипело, зарычало, точно что-то тянулось ноне к детушкам, хоронившимся в густых ветвях ели. И тем чуждым, гиблым звукам внезапно добавился рокот, шелест, шорох и вроде трескотня ломаемых ветвей, поваленных стволов. Такой грохот иногда приходил с грозой. Да только гроза всегда приносила дождь, молнии, и ветер, порой она также осыпала землю-матушку губительным градом, али спускала ветровороты ломавшие деревья и ветви, как лучины. И тогда бабушка Обрада, успокаивая внучат, толковала, что сие скачет по небушку вольный, шальной конь, с черной гривой и долгим сизосерым хвостом, поколь богами не взнуданный, оттого и резвящийся без их ведома. Она еще говаривала, что кады-нибудь явится в Явь бог с мощными плечами и крепким станом да оседлает того коня, и ужоль тогда тот не будет озорничать более в небосводе, не будет ветви с деревьев срывать, да крыши в домах молниями поджигать.

Да только в этот раз то не гроза была. Не конь божий, хоть и шальной, шел по небесам, стряхивая со своего сизо-серого хвоста и черной гривы дождевые потоки, пущая с-под копыт яркие молнии. То было нечто иное и дюже страшное, дикое и злобное. Пугающее ребяташек так, что они сызнава заголосили, принявшись звать к бабушке и сродникам. И тотчас утих хруст и хрипы, словно подбирающееся во мраке существо замерло, а потом ощутили братец и сестрица легкое дуновение, кое окутало их тела и легошенько тьму в сторонку отодвинуло так, что округ них вроде посерело. И сызнава стала просматриваться бурая, шероховатая кора мощного ствола и даже сизость ветвей плотно укрытых хвоинками. Тьма, впрочем, не ушла, а тока вынырнула из-под дерева, оставшись булькать вокруг нее, вроде не смея тронуть ребяташек и единожды не желая оставлять их в покое.

А лапники ели внезапно и вовсе шелохнулись. Спервоначалу лишь те, каковые к оземе льнули. Ветви медлительно воспряли от почвы, единожды качнувшись вправо-влево, и тем движением скинули с себя все покоящиеся на них малые сухие ветоньки, да опавшие шишки и хвою. А посем ожили и те лапники, оные отвесно располагались к стволу, да принялись плавно и неспешно изгибать свои концы, переплетая меж собой махие ветоньки, хвоинки, тем самым сооружая преграду для черной мороки, звуков и запахов которые она несла. Не прошло, кажется, и нескольких мгновений, когда ветви свившись промеж себя, образовали подле детишек заслон, как впереди, с боков, так и позади. Они не оставили даже в доступности вершину ели, где ветви шелохнувшись, одновременно, опустились вниз, эдак прикрыв собой переплетенные лапники подобно крыше. И тотчас внутри образовавшейся сени серость сменилась на голубизну, и сами плетеные веточки, хвоинки легошенько засветились нежным синим светом, ровно звездочки в летнюю пору на далеком небосклоне, а прекратившееся дуновение своим последним вздохом, обдало детушек ароматом выспевшей землянички, давеча снятой с куста.

– Батюшка, матушка, баушка, – чуть слышно шепнула Алёнушка, все поколь удерживая ладошки обок ушей, и испуганно глянула на притихшего Орюшку, стоящего напротив.

– Чё эвонто таковое? – и вовсе еле-еле дыхнул братец, захлопав большущими соломенными ресницами, на оных, кажись, также светились синим светом звездочки али только слезинки.

– Тише детоньки, тише... – ноне просквозила вокруг ребятишек та реченька величая, и сызнова малешенько вздрогнули лапники и хвоинки на них, а с обратной стороны сени еще сильнее чего-то загудело, захрустело и взвыло, вроде жажда ворваться и похитить все живое да дышащее.

– Не толкуйте, молчите, дабы не услышал вас лютый Скипер-зверь и егойные злыдарные приспешники. И не выхватили они вас с-под ели, да не утащили во палаты Скипер-зверя далекие, во черных скалах прячущиеся, – вдругорядь проплыло толкование кругом и будто впорхнуло в ветви дерева, слегка приглушив сияние прикорнувшее на кончиках хвоинок. И внутри сени самую толику потускнело, точно в пасмурный осенний денечек, да стало еще слаще пахнуть земляничкой.

А Алёнка с Ореем враз смолкли и даже рты ладошками прикрыли, освободив от них уши. Поелику поняли сестрица да братец, что их обороняет какое-то доброе создание, вызволяя от губительных подручных злобного чудища Скипер-зверя, каковой почасту терзает люд славянский.

И послушно исполняли детки указания светлого духа, и с тем, единожды, неосознанно претворяли предназначенное им Макошью...

Той самой, Великой Ткачихи, каковая нынче, высоко в далях небесных, охваченных голубой морокой, сидючи на лавочке возле прялки, рассматривала сотканное ею полотно Мира. На каковом в витиеватых узорах, посередь нитей-судеб самих богов трепетало, ярко переливаясь, волоконце-судьба двух простых ребятишек, сестрицы да братца, Алёнушки да Орюшки.

Глава вторая. Земляничница

А околот ели все поколь рокотало, хоть и приглушенно, но дюже устрашающе. И Алёнка с Ореем поглядывая друг на друга изредка вздрагивали, и тады еще ярче разгорались на ресничках обоих ребятушек синие капли слезинок таких точно, каковые поблескивали на хвоинках ветвей. Прошло достаточно времени, когда рокотание вроде как откатило от дерева, одначе продолжив чуть слышно посвистывать и шипеть где-то там вдали, все покамест перемешиваясь с отдельными окриками людей.

А потом опять же сразу наступила тишина. Плотная такая, в коей не слышалось даже малого комариного писка, почасту витающего в лесной чаще нынче в начале липеня, месяца разграничивающего летнюю пору времени. Впрочем, безмолвие внутри ели длилось совсем чуть-чуть, ибо уже в следующий сиг Орей убрал от лица обе ладошки, высвободив рот, и качнув головой в сторону ветвей, шепотом спросил:

– Небось, энтов Скипер-зверь и гойные злыдарные приспешники убрались из гая.

– Т-с... – беспокойно дыхнула Алёнка, так и не высвободя рта, вспять того плотнее прижала к устам длани рук да живо замотала головой, призывая и братца к тишине.

Орюшка резко вскинул вверх правую руку и обтер долгим рукавом рубахи свой нос, собирая на ее льняное белое полотно прозрачную слизь.

– Прекрати нюни утирывать рубахой, – убирая руки от лица, торопливо молвила девчущечка и легошенько выпучила вперед красные губешки, тем самым выражая недовольство. – Тебе чё засегда баушка говаривала?

– Ты, чай, не баушка, – с не меньшей сердитостью отозвался малец, однако послушав сестрицу опустил руку вниз, немедля коснувшись перстами нескольких бубенчиков подвешенных на узком плетеном пояске, каковые враз громко звякнули. И тотчас за ветвями ели раздалась однократная трель пичужки «тек-тек-тек» точно все еще выглядывающей опасность. Орей торопливо перехватил качнувшиеся на поясе бубенцы (каковые туда цепляли взрослые, дабы отогнать все дурное, нездешнее) и затаился, так же, как до этого замерла напротив него Алёнка.

Таковые точно бубенцы, как и сам плетеный пояс, был и на девоньке, то им обоим сделал отец своими руками. Поелику считалось, таким побытом, дитяtko будет подпитываться мужской силой, защищающей и оберегающей его. Были у Алёнушки и пояса плетеные матушкой, но пояс изготовленный отцом ей нравился больше, потому зачастую она его и носила. И хоть простого он был плетения, всего-навсего три цвета белый, красный, черный вплел туда отец, каковые представляли собой сообразно Правь, Явь, Навь, но вельми красивым казался он девонюшке. Пояса охватывали станы ребятишек оные, как и полагалось, были обряжены в длинные белые рубахи до пят. Украшенные вышитыми матушкой да сестрицами узорами покровительства по вороту, рукавам и подолу, эти рубахи в свой срок перешли девчужке и мальчоне из родительских одеж, дабы и тут несли они бережный смысл, передавая чадам силу взрослых. Свою одежду по поверьям дети должны были получить после собственного совершеннолетия, а именно к двенадцати годам. Впрочем, Орей в отличие от сестрицы носил еще и полотняные штаны, абы пересек возраст семи годков, тады когда и лишился большей части своих волос.

Лес же поколь хранил безмолвие, оно иногда прерывалось переключкой птиц, словно проверяющих покинула ли его пределы опасность. А когда совсем близехонько, словно в лапниках ели, кто-то тягостно вздохнул и тем протяжным стенанием ссыпал вниз на оземь, высланную опавшей хвоей, все синие искорки света, гай резко пробудился. И как-то по единому тому вздоху наполнился звуками, только не громкими, а лишь отдаленными, привычными этому край. И тот же миг послышался раскатистый рык бурого кома, где-то лакомив-

шегоса земляничкой, радужная перекличка горихвосток и частое жужжание всевозможных насекомых, каковые вели свое величание оттого, что их плотные тела было невозможно посечь. А возле уха Орюшки запищал, выводя свой жалобный плач, комар, будто давеча пробудившийся. Лапники ели сызнава дрогнули и принялись, малешенько покряхтывая, расплетать хвоинки, сучки да ветоньки, высвобождая для лицезрения сам лазурный свод небес, где белые кудри облаков покрылись тончайшими черными нитями, вроде поседев от произошедшего. Лучи красна солнышка впорхнули меж хвоинок и ветвей ели да малой толикой осветили стоящих в недрах обок ствола ребятушек. Совсем неспешно лапники, расплетаясь, испрямились отвесно оземи, а нижние и вовсе прилегли на нее родимую да маленечко качнувшись, замерли, точно сказавши детушка: «Погостили-де обок нас, пора и выходить на кулигу».

Орей да Алёнка, однако, медлили, даже тогда, когда ветви застыли, окончательно перестав покачивать хвоинками. Не решались чего сказать, кого позвать, поелику понимали, что это кой-то чудной совершил пробуждение ели...

А кто ж мог такое сотворить?

Да, итак ведомо, любой дух, тот каковой слыл хранителем не токма славянского род, как деды, чур, но и те каковые сберегали леса, реки, озера, болота по всей раздольной Мать-Сыра-Земле. И кого всегда почитали, уважительно величая дедушкой али матушкой. Знали детки с сызмальства, что и сама Явь живыми созданиями полна, не только деревья могли говорить, вода петь, огонь плясать, но и каждому клочку земли был положен свой страж, помощник, чтобы люди почитали землю-матушку, и никады на ней не озорничали.

Однако нынче тот, кто спас ребятушек, просматривался сквозь ветви ели и стоял, должно быть, всего-навсего в нескольких шагах от нее на опушке, как раз там, где до нападения Скипер-зверя и его приспешников находилась бабушка Обрада.

– Здравия вам, Алёнушка да Орюшка, – наконец молвил дух и голос его нежный певучий наполнив прогалину, просквозил сквозь ветви и хвоинки ели, преисполнив братца да сестрицу неловкостью от осознания, что прячутся они от собственного спасителя.

Мальчугашка уже готов был выйти из-под сени ели, как неожиданно нижние ветви дерева малешенько качнувшись, распахнулись, создав, таким образом, неширокий проход. И тотчас яркий солнечный свет проник под дерево, где хоронились дети, осветив всю сень и чуточку ослепив глаза. Орей и Алёнка немедля сомкнули очи да толком не проморгавшись, с полуприкрытыми веками направились по образовавшемуся проходу на опушку. Сначала братец, лишь потом сестрица, медленно ступая по густому покрову сухой хвои, усыпающей землю, мягкими подошвами кожаных порабошней, стянутых по краям ремешками кои косыми перекрестьями подвизывались поверх холщовых онучей обороми к ногам.

Детвора вмале покинула сень ели, и, выступив на полянку, сразу замерла, принявшись часто-часто моргать и тем, обвыкаясь к белому свету. Меленькие звездочки еще совсем чуть-чуть витали поперед глаз, а когда погасли или вошли в лапники деревьев окружающих опушку, первое, кого увидели Алёнка и Орей, так стоящую перед ними девицу. Весьма высокую и юную, может шестью-семью их летами старшую, и дюже худенькую, точно никогда толком и не евшую. Это братец и сестрица так подумали (и помыслили зараз да оба) потому как привыкли, что в их славянском роду все женщины (как, впрочем, и мужчины) были в теле и бабушка, и матушка и сестрицы. Дивным казался цвет духа, наполовину прозрачный так, что через него можно было узреть ветви мохнатых елей, расположившихся позади, и даже их малые хвоинки, совсем чуточку подсвеченные сизым сияние. Ибо и сам девичий образ источал тот самый белесовато-голубой отлив, каковой особлива воплотился в долгополой рубахе, живописавшейся побольшей частью собственными контурами. Однако, как и у славян, сия рубаха имела многажды насыщенные переливы по подолу, вороту и краям рукавов, вроде там у нее поместилась вышивка. И те почитай синие переливы падали на круглое и несколько плосковатое (будто блинчик) лицо духа, приглушая видимость небольшого носа, впалых щек

и вспять того выступающих, розоватых скул, оставляя для лицезрения большие ярко-зеленые глаза и широкие, словно лепестки цветка красные губы. На голове у деушки покрытой долгими, кудреватými, зелено-голубыми волосами восседал большущий веноч, плетеный из побегов земляницы, со вздрагивающими темно-зелеными с острыми зубцами листочками, покачивающимися рыхлыми, белыми соцветиями и кивающими красными, точь-в-точь, как орешки, плодами.

Дух медлительно шагнул вперед необутыми ноженками, и, хотя подошвы ее коснулись стелющейся по оземь земляницы, сами побеги оной, как и белые цветочки на ней не примялись. Ровно девица и вовсе не шла, а парила над растениями, не приминая их, вспять побуждая к жизни. Потому и отдельные побеги, наблюдаемо шевельнувшись, удлинлись, листочки приподнялись, соцветия скинули лепестки и округлили макушки подобно орешкам, а сами ягоды раздобрели в росте, став почитай пламенно-красными. И сей же морг возле детушек колыхнулся аромат сладко выспевшей ягоды.

А дух, все еще вышагивая, вскинул вверх правую руку и приложил ее дланью к груди, только после опустив вниз, тем самым движением указывая чистоту намерения и сердечность. И немедля Алёнка и Орей также приветствовали деушку, коснувшись ладонями собственной груди, да вже сестрица за обоих молвила:

– Здрав будь дух, не ведаем токмо твоего мы величания.

Девица немедля сдержала собственную поступь так, что ейны подошвы оперлись о листки стелющейся земляницы. И те поспешно развернув свои зеленые основания, замерли, а малахитовые, тонкие побеги, коснувшись полупрозрачной кожи духа, принялись, удлиняясь, сворачиваться в кольцо, один-в-один, как то делала змея, готовясь к нападению.

– Земляничница я, небось, слыхивали вы обо мне от старчих, – отозвался дух и улыбнулся, слегка приоткрыв рот. И немедля детушек с еще большей силой обуяла сласть ягоды густо сидящей на кустиках, укрывающих эту небольшую кулигу.

– Слыхивали, – теперь вступил в толкование Орей, и слышимо шмыгнул нос, да легонько дернул рукой, будто желая его утереть. – Ведаем мы, что каждое деревцо али растение имеет свою берегиню. И ты, Земляничница, приглядываешь за энтой опушкой, растишь тутова ягоду, стережешь ее от какого лиходеяства.

– Правильно сказываешь, Орюшка, – сызнава заговорил дух и качнул головой, колыхнув своими кудреватými, зелено-голубыми волосами так, что сие движение еще сильнее приглушило видимость его лица, и даже ярко-красных губ. – Берегиней меня кличут, зато чё я из веку в век сберегаю эвонту опушку, – продолжила беседу Земляничница и слышимо вздохнула. – И служу самой богине Макошь, часточко исполняю ейны поручения. Ащё я по мере сил отвожу беду и напасть от рода славянского, от рода кой в вашей деревеньке жил-поживал до нынешнего денечка.

Тяперича Земляничница и вовсе нескрываемо тяжело задышала, как бывает при печали, и задрожали не тока ее волосы, но и сама белесовато-голубая рубашка и даже полупрозрачная кожа, а в глубинах зеленых очей появились, сверкнув покатыми боками, голубые капли. Они немножечко покачивали своими боками в уголках глаз, да резво выскочив из них, не столько скатились по щекам, сколько слетели вниз, нырнув сквозь прорехи кустиков земляницы на оземь, этак и на самую малость, погашая сияние духа да выставляя для обзора саму кулигу. И тотчас братец да сестрица беспокойно вздрогнули да обозрели более не заслоняемую для них телом берегини опушку. Дотоль ладную такую, бугорком приподнявшуюся над иной землицей, густо поросшую земляницей, коя в свой черед переплеталась с опавшими сучьями, поваленными и почитай, что полусгнившими стволами, с полувросшими в землю кудлатými ото мха камнями, да окруженную лапгастými темно-зелеными елями.

Однако ноне сама кулига изменилась, и теперь лицезрелась не просто примятыми али вытоптанними пяточками растений земляницы, вырванными с-под нее камнями и стволами,

но, и, словно, вспашенными клочками почвы, и устланной сорванными с елей большущими лапниками. Да тока не только ели окружающие полянку были покалечены. Пострадали и иные деревья лиственниц, сосен, пихт, кедра, вязов, дубов, каштанов, лип, берез, осин, те которые высились в направлении деревеньки, и днесь отсутствовали так, что через появившиеся огромные прорехи можно было углядеть саму черно-сизую, выжженную оземь, и тропку которая, извиваясь, тянулась из лесу домой.

А когда детушки узрели лежащую на опушке возле широкой ветви ели перевернутую корзинку и высыпавшуюся из нее земляницу, разком оба вскрикнули. Ибо опять же вместе признали ту корзинку, бабушкиной. И стенаниям братца да сестрицы Обрада не ответила, вроде не слыхивала внучат своих разлюбезных, разобидевшись на их озорство, аль вспять того куды-то запропадившись не по собственной воле.

– Да, Алёнушка! Да, Орюшка! – молвила взанамест бабушки Земляничница, да качнув головушкой, снова нарастила сияние своей рубахи, волос, губ да глаз. – Беда-бедушка с вашими сродниками, со всей деревней. Токмо вас двоих я и сумела сберечь от лютого Скипер-зверя и его злыдарных приспешников.

Голубизна неба неожиданно вроде посерела, а лучи солнца красного стали редеть, и ребятушки сие приметив, торопливо вскинули вверх головы, узрев в поднебесье сквозные, сизо-черные лоскуты дыма. Словно долгий лепесток пламени чад тянулся по небосводу, касаясь вершин деревьев, путаясь в их мощных кронах, хватаясь за ветви, тербя не только хвоинки, но и листочки, и зримо для отроковицы, да отрока направлялся он от их родной деревеньки. Отдельные его пары вже наблюдались в прорехах меж деревьями, где они клубились сквозными слоями, медленно оседая на почву и единожды захватывая все большее пространство леса. Потому вмале и на прогалинке сладость выпевшей земляники сменилась на горечь пожарища.

И стоило тока горькому дыму приглушить аромат ягод, как детушки в голос закричали, так сильно испугавшись за сродников, матушку, батюшку, сестриц, братцев и бабушку Обраду. Одначе с места они не дернулись, лишь ручонками всплеснули, ресничками белесыми взмахнули, слезы на щеки сгоняя, а Земляничница между тем снова заворковала, правду горькую сказывая:

– Лютый, безжалостный тот Скипер-зверь по земле-матушке хаживает да ревет он по звериному, свистит по соловьиному, шипит по змеиному. Людей, зверей, птиц он не жалует, коль одних во полон утащит, других жизни лишит. Набивает он славянами темницы подземные, мучает их, морит голодом, а опосля из их косточек палаты свои возводит. И ваших сродников он ноньмо похитил, утащил во полон. Да токмо полно вам детушки слезы лить, носы утирать, – дополнила берегиня, смолкая.

И тотчас Орей, дотоль возивший носом по рукаву рубашки, нюни, таким побытом, утирая, замер. И Алёнка перестала хныкать, и дланями рук со щек слезинки смахивать, прислушиваясь к говору духа.

– Надобно собираться в путь-дороженьку, – проронила Земляничница, чуть слышно вздохнувши, видно, так она сопереживала за детушек, что едва сдерживалась, дабы не зарюмить самой. – Во иные места вам надобно идти, в небывалые дали. Туды куда не хаживают люди, иде не ступает человеческая нога, лишь бродят во тьме кромешной тени, ужоль и не души. И даже не дух, каковой сопровождает славянина во время жизни и связывает с предками ярким сиянием света. А хаживают тамоди отпечатки, следы некогда худых людей не пригодных даже Пеклу, трусливых, слабых, безвольных.

А клубистый дым все ярился, заполняя собою лесные чащи, выползая широкими лоскутами на опушку, опоясывая деревья, вроде и не становясь гуще, однако набивая своим серосиним сумраком местность кругом. Делая и саму берегиню сизо-синей, приглушая на ней яркие пятна губ и глаз, оттеняя и зелено-голубые волосы. Так, что казалось еще мгновение и Земляничницу сей дым похитит, как досель своровал бабушку Обраду и всех людей дере-

вушки злобный Скипер-зверь. Да только того более не мог позволить сотворить Орей, он нежданно резко шагнул вперед и вскинул от носа вверх руку, провел ею вправо-влево, рассекая таким движением комы дыма, и вновь возвращая берегине ее прозрачность белесовато-голубого отлива.

– Як же мы пойдём? Куды? Мы ж ащё ребятки? – беспокойно спросил мальчик, не прекращая махать рукой, и, таким образом, отгоняя от духа дымчатое курево.

Земляничница теперича вновь ступила с места, не столько вышагивая по оземи, сколько витая над ней, едва касаясь голыми подошвами ног листочков, соцветий и ягодок. И тотчас допрежь свивающиеся возле ее стоп в кольца стебли, рьяно выбились вверх, вроде жаждая дотянуться до небес, распрямляясь по мере полета. Да так и не достигнув приволья небесного купола, легошенько скользнув вниз, стебли выпустили в разных направлениях по стволу махие отростки, да почки, которые принялись, моментально лопаясь, обращаться в листочки, цветки, ягодки, устилая тем чудным покрывалом не занятые, а поврежденные участки почвы. Берегиня, все поколь ступая, не менее резко качнула головой, и ее зелено-голубые волосы пошли по спине малыми волнами, расплескивая в разные стороны потоки света, каковой рябью своей, едва заметной, стал вытеснять с опушки серо-синий сумрак дыма, очищая и сам воздух от той удушающей горечи. А кады с веночка духа вниз посыпались, словно искры, спелые землянички, так-таки, и не долетевшие до землицы, а в самом воздухе растворившиеся, распавшиеся на отдельные капельки, на кулиге снова стала ощущаться сладость этой лесной, летней ягодки.

– Так иноредь бывает Орюшка, чё на малые плечики беда опускается, – сказала берегиня, и, сдержавши шаг подле мальчика, глянула на него сверху вниз, посему он сразу перестал гонять дым и внимательней всмотрелся в ее лицо. – Чё малым рученькам приходится пречудны дела вершить. Ибо в мудреных сплетениях жизней богов завсегда положено человеческому волоконцу явится, и тем раздольное полотно Мира скрепить.

Глава третья. Братцы колтки

– Полно деточки тужить, горевать, – все доколь толковала Земляничница, и, простерла руку над Ореем, бережно выудив из его ковыльных влас зеленую хвоинку, острым кончиком заползшую под берестяное очелье. – Надобно вослед удела своего ступать, в те края, иде вам сумеют пособить, а там гляди-ка и усем славянам.

– Значица, усех наших сродников старая кочерыжка Скипер-зверь уташил? – спросил мальчик и, чтобы слезы не плеснулись из очей, плотно свел друг к дружке ниточки своих белесых бровей.

– Усех, – скорбно протянула берегиня, да качнув рукой вбок, выпустила из полупрозрачных перст хвоинку, коя крутнувшись, подобно листочку, медленно полетела вниз к оземю. – Да тока будя Орюшка браниться, тем становясь похожим на эвонтого злодея Скипер-зверя.

И поддерживая ту молвь недовольно зыркнула на братца стоящая позадь него Алёнка, легошенько притом вскинувши вверх свои резко выступающие плечи, бугорки на каковых приподняв материю рубахи, качнули расшитым ее подолом.

А кругом опушки по лесной чаще все еще густыми серо-синими клубами стлался дым, вроде прибывающий со стороны деревни. Впрочем, он более не лез на полянку, лишь плотнее окутывал своими чадными лепестками ели, подныривал под лапники, и, хватаясь за вершины маленечко, смешивался с плывущими по небесному куполу белыми ворохами облаков. На кулиге и пахло только земляничной сладостью, а рябь, пущенная от волос берегини по воздуху, все покамест покачивалась обок деревьев, не пушая сюды горечь пожараща.

– Днесь вам надобно не браниться, ни рюмить, а ступать в дали неведомые, прямохонько к бабе Яге, – молвила, будто на едином звуке, Земляничница и дюже горестно вздохнула. Посему ейна рубаха вся, прямо-таки, заколыхалась, и сквозь то движение вельми точно проступил образ берегини, с плавными очертаниями плеч, стана и чуть выступающей небольшой грудью. Однако стоило тому образу показаться, как мгновенно белесовато-голубой отлив рубахи насытился лазурью красок, и ровно смешался с цветом волос Земляничницы, али тока ели находящийся позади нее.

– А кто энта баба Яга таковая? – поспрашал Орюшка и сызнова хмыкнул носом, столь задиристо, что из правой ноздри на губы его выскочила долгая белая сопель, сигом погодя ужотко нырнувшая обратно.

– И як же мы туды доберемся, кады дальче сей кулиги никуды-ка не хаживали? – разумно проронила Алёнка и негодующе выпучила вперед красные губешки, сердясь на братца, и не столько видя те выскочившие на чуточку нюни, сколько ведая о них.

Девонька, досель стоявшая позади мальчонки, сойдя с места и в пару шажков достигнув его, остановилась подле. Теперь она, легошенько скривив в сторону братца глазенки, чуть слышно дыхнула, так-таки, как старшая:

– Брось нюни туды-сюды ворочать, то ж не красивши як, – тем самым повторяя реченьку оную досель всегда говаривала бабушка Обрада.

Мальчуган может чего и хотел ответить сестрице и для того даже подобно ей и сам скосил влево глазенки, да не стал, поелику в толкование вновь вступила Земляничница проронив:

– Добратся вам туды я, ей-ей, помогу, ибо мне даден клубочек... Чудной такой, дивный клубочек, каковой должон довести вас до места, – дополнила берегиня и принялась ощупывать свою рубаху (вновь заколыхав ее белесовато-голубой поверхностью), рукава на ней, долгие волосы, а после и сам веночек.

Земляничница даже сняла венки с головы, и внимательно оглядев, качнула его тудыли-сюдыли, вправо-влево, заглянула за каждый трепещущий листочек, за каждый волнующийся цветочек и дрожашую ягодку, лишь потом удивленно пожала плечами, обоими, и единожды.

Теперь берегиня качнула уже и самой головушкой, словно встревожившись потере, и вла- сами густыми мотнула, тем движением смыкая видимость растущих позадь нее деревьев. Она и левую руку вскинула к венку да начала его длинными, полупрозрачными перстами расчесы- вать точно гребешком. И этак стала смахивать вниз одиночные листочки, бутоны да ягодки, каковые падая на землю, словно удваивались в количестве и с тем шибче распространяли округ аромат выспевшей земляники. Прошло какое-то время, в котором Алёнка и Орей молча наблюдали за духом, когда тот разом вздохнув, наново водрузил на голову веночек и нескры- ваемо гневно зыркнув на детушек единожды, молвил:

– Вот же неслухи какие! Вот же ерзы, озорники! Ужотко я им! Ужель я их! Завладели втай клубочком!

Девчурочка и мальчоня, дотоль с берегини взора на сводившие да от удивления широко рты раззявивши, махом их сомкнувши, беспокойно переглянулись. Еще скорей они втянули головы в резко выступающие плечики и хором отозвались:

– То не мы дивный клубочек тишком брали. У нас без ведома старчих ни должно ни чаво брать.

– Да, я ведаю о том ребятушки, – незамедлительно отозвалась Земляничница, покуда поправляя на голове свой веночек. Она надвинула его почитай на брови, проступившие тончай- шими зелеными волоконцами, да опустивши ручончки вниз, вельми бойко топнула правой ноженькой о землю, наконец, примяв подошвой небутой ноги не только листочки, но и качнув соцветия, ягодки, да гулко вскрикнула:

– А, ну-тка, сей сиг явитесь предо мной колтки, каковым подобает мне услуживать: Баг- рец и Бешава!

Услыхав ту чудную молвь берегини, детишки и вовсе подивились, да ресничками замор- гавши, вытаращили свои глазенки. И, не мешкая, принялись озираться, желая выглядет духов на опушке али промеж елей ее окружающих. Одначе на полянке все также было тихонько, лишь перекликались, где-то недалеко «цити... цити» птахи лесные, точно посмеиваясь над повелением Земляничницы, только колыхался воздух обок деревьев малешенько покачивая их ветвями и хвоинками, тем отгоняя серо-синий клубистый дым пожарища.

– А, ну-тка! – сызнава вскрикнула берегиня и топнула ноженькой по оземь, теперь рас- тревожив зелень растений и совсем немножечко вспушив, да словно отбросив почву вбок так, что она вызарилась из-под листвы и побегов земляницы небольшой бурой кочкой, каковая неожиданно мелко-мелко задрожала.

Всего-навсего чуть слышимый вздох братца да сестрицы и из макушки того бугорка вырвалось вверх несколько зеленых побегов. Больно быстро стебли растения стали вытяги- ваться выспрь и единожды ветвиться в разные стороны, покрываться темно-зелеными заост- ренными на кончиках листьями, и капелью поколь еще зекрых костянок, собранных в гроздь, вмаде превратившись в большущий куст бузовника.

Ветви куста, образовав округлую крону (она, кажется, в высоту была не меньше чем рост ребятушек), замерли. Впрочем, застыли ветви, прекратив свой рост, хотя продолжили едва потряхивать самой листвой и покачивать гроздьями. А миг спустя из зарослей бузины послышался шорох, шуршание, да едва слышно ктой-то сказал:

– Первый вылазь, чаво засегда я должон.

– Ты старчий, ты и должон, – отозвался подобный голос, слегка хриловатый, тонюсень- кий, схожий с неторопливым сгибанием хрупких веточек бузовника, который славяне еще кли- кали бузина черная, пищальник и даже базак.

– Засегда такая неправедность, а я всего-навсе единый вздох раньче твоего содеял и токмо, – дополнил первый, и теперь ветви базака закачались сильнее, а некие из них даже раздались в стороны высвобождая место для прохода. И в проступившей тени отбрасывае- мой листвой и ветвями нежданно появилось маленькое создание, должно быть, колток, едва

дотягивающийся ребятишкам до пояса. Дух качнул своей круглой, как клубок, головой сверху густо увенчанной веточками бузины, где теребились от движения не только зеленые листочки, но и перекатывались так-сяк черные ягодки, и резво шагнув из куста, застыл напротив Орея.

Теперь показавшись всем своим образом...

Удивительным было тело колтка, словно лишь давеча срубленного пенька, каковой не стал ожидать, а, на-тка тебе, выступил из почвы, да побрел по Яви. Абы туловище его, точь-в-точь, повторяло срубленную или сломанную нижнюю часть дерева (похоже, даже осины, поелику зеленовато-серая кора к комлю смотрелась вельми потрескавшейся), а выступающие из дна пенька два корня, замещавшие ноги, и вовсе были темно-серыми. Хотя на тех корнях-ногах, изогнувшихся на концах как стопы, восседали схожие со славянскими кожаные порабощни, стянутые по краям ремешками, кои, как и полагалось, косыми перекрестьями пролегали поверх холщовых онучей.

Вместе с тем руки, как и лицо, у духа мало чем отличались от людских. Ибо на плоском лице с пепельно-бурой (словно давно не мытой), гладкой кожей помещался и маханький, с вычурно вздернутым кверху кончиком, нос, и небольшой, с чуть очерчиваемым губами, рот, и два желтых глазика (тока лишенных привычного для детворы белка). С тем голова, где также имелись два лоптастых уха, была напрочь лишена волос, каковые, скорей всего, заменяли веточки бузовника, ноне в липень месяце чудно как-то вызревшие.

Орей и Алёнка, рассматривая дивный вид колтка, широко раскрыли рты так, что в них мог залететь ни один писклявый комар, а, пожалуй, и желто-черная бжела, жужжащая над цветками земляницы. Детки, конечно, ведали, что лес, как и поля, и жилища людей населены духами, но никады их в глаза видать не видывали, понеже все создания в Яви при трудах оставались.

А тут, ну-кась, сразу два духа: Земляничница да колток. И коль берегиня была близка к роду людскому, хоть и отличалась от него своей полупрозрачностью, то колток лицезрелся иным. И не только тем, что имел явственно деревянное тело, но и обладал двумя лицами. Одно, как и положено, располагалось у духа на голове, а второе прямо на брюхе. Точнее на том месте туловища, где у человека имелся живот. Впрочем, второе, нижнее лицо колтка, точь-в-точь, повторяло верхнее. Оно также легошенько (как и первое) перекашивало губы, вращало своими желтыми глазоньками, и сама поверхность его была опять же плавной, мягонькой, как кожа на голове. Единственно чем и разнилось верхнее лицо от нижнего своим более темным цветом, будто раньше срока состарившимся.

Братец и сестричка толком-то и не надивились на колтка, как ветви куста бузины сызнова качнувшись, раздались в стороны и из него рьяно выскочил, чуть не налетев на собрата, иной дух. Тот, второй колток ничем особо не разнился с первым, ни пеньковым, кряжистым телом, ни кореньями ногами, ни человеческими руками (с обыденной пястью и пятью пальцами на каждой), ни веточками базака на голове, ни даже двумя лицами (на голове и туловище). Всего тока глазоньки его были супротив сродника черными, оттого он смотрелся весьма проказливым.

– Энто не я, Земляничница, дивный клубочек стащил, а Бешава! И его надобно огреть по макушке! – гулко выкрикнул первый колток, тот у какового были желтые глазки, и, не дожидаясь решения берегини, дернув левую руку в бок, огрел сомкнутым кулаком стоящего рядом собрата по животу, а, точнее, вдарил прямо по его второму носу, расположенному на туловище. Поелику ужотко в следующее мгновение оба носа колтка Бешавы еще выше вздернули кверху свои кончики, выставив напоказ сразу четыре круглые ноздри, а перекосившиеся в сторону губы, болезненно застенали, посем и вовсе крякнув... Сначала вроде «кряк... кряк», а далее совсем чудно «шааак... шааак».

Однаке первый дух еще толком не убрал руку от лица Бешавы, как последний резко перехватил ее и тотчас пнул собрата ногой в живот (чудно как-то... не как водится коленом, а, так-

таки, подошвой). Но так как пятка, али вся подошва ноги заехала желтоглазому колтку прямо в нижнее лицо тот и вовсе однократно «шаакнул», и, открывши рот, громко щелкнул рядами зубьев, почитай, что черными, шиповидными, будто стараясь схватить подошву кожаной порабощи братца. А мигом погода духи, схватившись в объятья, резко повалились на оземь, да не прекращая мутузить друг дружку кулачками, принялись кататься так-сяк, подминая под себя листочки плетущийся земляницы, сминая ее выпевшие ягоды, ломая лежащие веточки, гулко пыхтя и порой выкрикивая:

– Отдай! Оговорщик! Ерза! Веролом! Эт, я тебе! Не-а, я тебе!

– Прекратите сей миг! – дюже сердито крикнула Земляничница и наново топнула ноженькой по земле так, что враз сотряслись веточки на кусте бузины и принялись скидывать вниз все поколь малахитовые костянки, стряхивать зеленые листочки. Стебли пищальника слышимо закричали, ровно чему-то сопереживая, и стали медленно вползать обратно в бугорок, притом уменьшаясь в толщине. Посему когда колтки замерли на земле, чуть слышно отплевываясь от заскочившей в рот почвы, листвы и хвои, стебли, словно нити качнули в воздухе своими концами и обессилено упав на бугорок, смешались с его бурой поверхностью.

Духи медленно расплели объятия и также неспешно поднявшись на ноги, как раз напротив ребятишек, начали поправлять малешенько сместившиеся на бок веточки бузины на голове, зримо кривя друг на друга глаза и скашивая рты, таким образом, чего-то сказывая.

– Як же вам таким остолопам не совестно пред детушками? – спросила Земляничница так и не дождавшись от духов кротости, да повернувши в их сторону голову, тягостно ею качнула туда-сюда. – Пред детушками у оных такая беда свершилась. Бузите тут як неслухи, як злырадные приспешники Скипер-зверя потешаетесь, зубоскалите...

– То не я, то он зубоскалит! – не мешкая, и весьма бойко отозвался желтоглазый колток и вновь самую толику шибанул собрата в бок локтем. При том ударе послышался значительный хруст, и Бешава, рывком качнувшись вперед, широко раскрыл рот да выплюнул из него маханький клубочек, словно из желтой шерстяной нити скрученный да яркими огнистыми зернышками украшенный, в лучах красна солнышка дивно переливающийся.

А клубочек, чудной да изумительный, вылетев изо рта духа, кувыркнулся в воздухе да не раз, не два, а многожды и прыгнул прямо к стоявшим ребятушкам, сестрице да братцу, Алёнушке да Орею. И мальчонка, как истинный муж, разом тот клубочек словил, легошенько даже подпрыгнув за ним вверх, и зажав в ладошках, прижал к груди, точно о сердечко упер, оное ему радостно подыграло перестуком.

– И я, то ж не потешаюсь, то зазря на меня братушка, Багрец, клеветет, – протянул Бешава, сверкнув в сторону Алёнки черными, словно звериными, очами, почти полностью лишенными белка. – Я клубочек тот хранил впрок, дабы его никакая злыдарня не уволокла. Абы ведал, он детушкам пригождается...

– Смолкни! – сызнава дюже строго молвила берегиня, прерывая реченьку колтка, гдейто во середке. Посему тот недовольно сомкнул рты на обоих лицах и гулко выдохнул, может оно, сие непосредство, было рождено живостью, которое истончал клубочек, досель обжигающий внутренности Бешавы. Ну, там брюхо, грудь, горло, рот, щеки, али чего-то еще. Вже было не ясно, не понятно как изнутри дух сотворен, поелику снаружи выглядел вельми мудрено...

Мудрено, ажно! с двумя ликами... Чего никады от рождения ребятки не ведали, не видели и не слышали от старших.

Земляничница между тем сызнава качнула головой и, одновременно, зелеными власами которые своим отражением будто огладили ветви растущих позадь нее елей, да оглядевши стоящих по левую сторону от нее колтков, протянула:

– Чё, ты, Бешава любишь тащить все яркое, тем, будучи схож с сорокой, мне ведомо. Обаче на сей раз должен был сдержаться. Ведал же, кем энто чудо-чудное было послано мне,

дабы довести Алёнушку и Орюшку до Яги. Як же ноньмо я могу вручить их жизни тебе... Чаво же ты дальче можешь учудить?

– Не пужай детушек, Земляничница, – сразу вступил в разговор первый колток, Багрец, и по его лицу пробежала огнистая полоса сияния, будто принятого от зажатога в ладонях Орея клубочка, али долетевшая от красна солнышка. – Ведаешь же, я старчим в нашем странствии стану, и ребятишек некому огорчить не позволю. Да и кумекаю я, путь наш долгуший, наполнен всяческими чудесами, не во вскую пору светлыми, иноредь темными. Обаче коль мы усе вчетвером, братцы, сумеем одолеть страх и дойдем до бабы Яги, она може пособит в высвобождении славян и Яви от лютого Скипер-зверя.

– Эвонто правильно ты толкуешь, Багрец, – отозвалась Земляничница и в который раз тяжелехонько вздохнула, видимо, так переживая за детушек. – Токмо в пути-странствии не забывайте следовать за клубочком и друг дружке пособлять. Тады станет вам удача! А тяперича бросай Орюшка клубочек на оземь и ступайте за ним, ибо он без веления поведет вас к Яге, понеже так ему указано свыше.

– Свыше? – удивленно поспрашал отрок, и громко хмыкнул носом втянув внутрь правой ноздри длинную, прозрачную нюню.

– Свыше... – откликнулась берегиня и совсем чуточку кивнула, колыхнув на собственной прозрачной коже едва зримые сизые переливы. – Самой богиней Макошь.

Земляничница замолчала и мальчоня, вроде напуганный той вестью, резво отворил сомкнутые ладошки, выпуская из них дивный, желтый клубочек яркими огнистыми зернышками украшенный, прямо на землицу-матушку.

Глава четвертая. Дедушка Гаюн

Земляничница враз сокрылась из глаз детушек, стоило им покинуть полянку, пройдя меж двух высоких елей, каковые ветвями придерживали тягучий чад наверху, не давая ему проползти вниз. Однако саму берегиню, так-таки, застлали его сине-серые клубы, махом сокрыв и кулигу окруженную деревьями, теми парами, словно отделив для братца и сестрицы прежнюю жизнь от нынешнего момента. Впрочем, коль Орей бойко шагал за Багрецом, Аленка, ступающая в след него, почасту оглядывалась. Не только, чтобы наблюдать исчезающую опушку, но и следить за замыкающим странников Бешавой. Не менее часто девонька вскидывала ввысь голову и зарилась в голубой небосвод, оный сменил перьевые хвосты белых облаков, на сине-черные клоки дыма, тянущегося с пожарища и указывающие на гибель деревеньки, и похищение сродников. Густой, клейкий чад не просто плыл по небесам, застревая в вершинах деревьев, увязая в кронах и опутывая ветки, он, кажется, хватался за малые листочки и хвоинки, покачиваясь на их кончиках черными каплями так схожими со слезами. Теми самыми оные текли из очей Алёнушки, струились по щекам и скатывались вниз, падая на узкую тропку, едва прикрытую опавшей хвоей да листвой по которой и шагали путники.

А впереди бор становился все более темным да дремучим. И сами хвойные деревья своими размашистыми кронами прикрывали небесный купол, скрывая красно солнышко, и вроде просеивая остатки дыма, едва толику пропуская их вниз и с тем создавая сумрак, где в отдельных солнечных лучах курилась голубоватая морока. С каждым шагом все меньше и меньше в воздухе ощущалась горечь пожарища, коя вмаle окончательно сменилась на кисловато-терпкий аромат хвои.

Здесь стали реже встречаться обособленно растущие ельники. Они смешивались с соснами, кедрами, пихтами, иногда с лиственницей, ибо последние наблюдались лишь одиночными деревья. Впрочем, их рост и мощь стволов поражала взор. Кору тех деревьев, трещиноватую аль отслаивающуюся пластинками, покрывали зеленые полосы мха, да плетущиеся стебли растений. Почитай не имеющие нижних ветвей, они всего только и оставили, что зеленые лапки наверху, дабы основать ту кучную крону, поддержавшую саму лазурь небосклона. Ветви если и созерцались, на середине ствола или ниже, были в основном сухими, короткими отростками, опутанными густыми серыми бородами растений, порой дотягивающихся до самой оземли и в движение ветра самую толику покачивающихся.

Необычайно смотрелись и корни тех деревьев. Не менее могутные в размахе, они, выбираясь из землюшки, подобно лапам зверей (видно жаждущих шагнуть вперед), приподнимали вверх сами стволы, да, единожды, разветвляясь, создавали неровности почвы, не только валы, но и значимые углубления, словно выгребая оттуда грунт. Часточко деревья росли на упавшем и вже вошедшем в почву дюжем стволе, днесь наблюдаемом едва зримым небольшим изгибом землице-магушки. Возникшие на его остове сосны и ели в свой срок высосали из сломленного ствола все силы и с тем взрастили себя, их выступающие шишками корни также покрывали мхи, низкие и стелющиеся растения.

Сосны, кедры, пихты, ели, лиственницы ноне правящие в лесах, будучи исполинами, не давали взростления юной поросли, создавая сумрачность внизу над землей, не пуская туда и малого солнечного света. Посему саму почву, устланную опавшей бурой хвоей, низкорослым кустарником, кислицей, черникой, брусникой да полотнищами зеленого мха, все больше покрывал плотный валежник из опавших сухих ветвей, не токмо сучковато-коротких, но и длинных, дюжих, каковые в свой черед, упав, крушили молодые деревца, или коверкали (собственным падением) их стволы, придавая им чудные изгибы.

Катившийся вперед клубочек всяк раз огибал препятствия на торенке по которой ступали странники, словно разумное создание, обходя корни, углубления, али бугры. Он дивно так

скатывался вниз в небольшие овраги, где колыхали темно-зелеными водами родники, соударявшиеся каплей с боляхными валунами плотно покрытыми синеватыми, пухлыми мхами, раскидывая позадь себя огнистые искорки, оные не тухли, а вспять того попеременно перемигиваясь указывали путь. А замирали лишь тогда, кады их миновал шедший позади всех Бешава.

А лесные чащобы, несмотря на хмурость и легкую серую мороку от спускающегося сверху солнечного света были полны жизни. И не только шуршали в них травы, звенели криницы и ручейки, похрустывали ветви кустов и валежника, но и слышалось пение птиц, задумчивое, тягучее дыхание зверей. Не редкостью в лапниках елей да сосны наблюдались небольшие с серым оперением птички, громко посвистывающие али щелкающие, будто переминающие сучки. Их раскатистое «фиуить», в сей же сиг подхватывали прыгающие по озему, али с ветки на веточку с голубоватыми спинками птахи уже выводящие более нежные «фьить... тр». Шумные крики пестрых кедровок, перекликивались с гнусавым дребезжанием соек, и заглушались редким однозвучным перестуком клюва дятла о кору дерева или все-таки частым возгласом кукушки.

«Ку-ку... ку-ку» иногда отзывалось эхом от сосны и взлетая ввысь терялось в пышной кроне, откуда на идущих странников удивленно поглядывали с пушистыми длинными хвостами темно-бурые белки, поблескивая с высоты черными бусинками глаз. Рев, хрип и вой зверей, как и сами рыжевато-бурые зайцы, темно-коричневые куницы и свернувшиеся в клубки в корнях деревьев ежи, не больно обращали внимание на путников, поелику были в этих местах хозяевами.

Понеже все те звуки, такие властные, гулкие вызывали в детишках волнение и лишь позвякивающие на их поясах бубенчики, своим легким «звяк... звяк», да шагающие рядышком духи придавали уверенности в верности избранного пути.

И так вот они шли...

Может час, а может и иной...

Шли потому непроходимому, густому краснолесью.

Вже поглядывая вверх, желая в сумраке пуши разобраться, куды клонится красно солнышко...

И чего им несет сей день.

И с тем ходом чудилось Алёнке и Орею то их родные места. И ели, сосны, пихты смотрелись знакомыми лишь давеча в лесах примеченными, как и выныривающие с-под корней ключи кои пузырились каплей воды, плеская ее округ, и тем даря жизнь малым растениям, туто-ва приютившимся.

А катившийся поперед спутников клубочек, нежданно содеяв небольшой изгиб, вбежал в лиственничник, где в основном наблюдалась одна лиственница. Не дюже высокая, не любившая темнохвойные леса, лиственница, зачастую росшая на светлых участках местности, одначе и тут не сумела принести в гай денной свет, так как оказалось, что само солнышко приблизилось к небозёму, и на Явь надвигалась ночь.

Дотоль немногочисленные мошки и комары (ужотко парящие обок ребятишек), стоило странникам войти в лиственничник, как-то махом умножились, несмотря, что западение солнышка поддержало гортанное пение лягушек, должно стать, как и первые вышедших на охоту. И тому песнопению зеленых квакш разком отозвались забурчавшие животы детишек, вже столько прошедших и с утра ничего не евших. Посему первым сетовать стал Орюшка, пожалуй, все поколь думающий, что он младший:

– Кушивать хочу, хоть бы махунечкую краюшку хлебушка, хоть бы глоточек млека. И усего мене энто гнус искусал, весь я чешусь, – дополнил братец и принялся скрести ногтями собственные щеки, а посем и голову, раскидывая в сторону пряди волос.

И следом стенаниям мальчугашки подпел Бешава, ступающий позадь Алёнки:

– Ужот-ка и я приморился, моченька на исходе, ноженьки не ступают, порабошни стерлись до дырья, – и напоследок тех стонов гулко закрихтел.

– И чё вы оба, ровно махие расхныкались? Нешто не ведаете, чё надобно ступать вперед к бабе Яге? – недовольно отозвалась девонюшка, покачивая головушкой да зырякая то на братца ступающего впереди и продолжающего яростно чесать свою голову, да отмахиваться от комарья, то на идущего сзади колтка, шибко присидающего на собственных кореньях-ногах, сгибая их не токмо (как у людей) в коленях, но и еще двух иных местах.

– У, то девонька ты права, – вставил, наконец, как старший Багрец, останавливаясь и оглядываясь, и вслед него и все странники застыли и даже притих на земле клубочек, ожидающий всех. – Ступать нам велено шустрее, но вмаля на Явь опуститься ночь, а во тьме не ровен час заплутаем. Понеже должно содейть нам привал.

– Привал? – в оба голоса переспросили Алёнка и Орей, потому как слышали такое дивное название впервые.

– Вестимо, привал, – застрекотал, точь-в-точь, как сорока, порой выводя торопливое «чи... чи... чи» Бешава, и упер кулачки в свой стан, слегка притом подперев второе лицо, да сообразив на нем кривизну в месте губ и носа.

– Привал, то значица, идей-то привалиться, так-таки, на ночлег, – пояснил более спокойным голосом Багрец, а ребятушки услышали в его молви едва воспринимаемое потрескивание, будто покачивающихся ветвей.

– Значица привал! Привал! – довольно вскрикнул Бешава, и закачал головой, а погода и плечами, туловищем, широко улыбнулся не тока верхними устами, но и нижними (сие несмотря на кривизну), по всему вероятно, жаждая прямо тут же пойти в пляс, да к тому привлечь и корни-ноги.

Алёнка хоть и желала выполнять указанное берегиней, однако и сама чувствовала голод да усталость, а когда Бешава так рьяно возликовал позадь нее, обернувшись, довольно просила его радости, но в следующее мгновение вже широко раскрыла глазенки и пужливо «вохнула». И тотчас тому испугу вторил «охом!» оглянувшийся Орей, а за ним чуть слышно пискнул Багрец.

Потому как позади покачивающегося колтка стояло и вовсе чудное создание. Огромное существо, одновременно, повторяло человека и медведя, точно взявши чегой-то от одного, а иное от другого. Впрочем, больше оно взяло именно от кома. Ибо тело создания, как у зверя коренастое, мощное покрывал косматый сивый мох светло-сизый на груди (сродни шерсти), а крупные пятипалые лапы (оно как создание стояло на задних, испрямившись и с тем дюже возвышаясь), прижатые к животу, поблескивали загнутыми долгими когтями. На вельми короткой, хотя и толстой, шее восседала увитая длинным сине-сизым мхом огромная голова, вроде тоже по образу медвежья, да тока лицо существа походило на человечесьё. Круглое, оно ясно проступало в ворохе мха, оплетающего и сами губы, и подбородок (подобно бороде и усам), дотягивающимся до груди, большими и ясными голубыми глазами, длинным, крючковато загнутым на конце носом.

– Гаёв дед, – слышимо выдохнул, будто в ухо ребятушкам, Багрец и наново пискнул.

И того писка стало достаточно, дабы перестал приплясывать Бешава, стоящий к духу спиной, и мгновенно обернувшись, гулко да пронзительно завопил, точно был не его роду-племени, а какого-то иного. Будто сам не приходился духом, а значился то ли зверем, то ли человеком.

От того дюже залиvistого ора поморщилась не только Алёнушка да Орюшка, но и дедушка Гаюн, да, на-тка, шагнул вперед, волоча сами стопы по земле, и, раскрывши длани, прижатые к животу, ссыпал из них вниз пригоршню бурых шишек. Каковые толком не достигнув почвы, кувыркнулись в воздухе, и разом обернулись в подобных Гаёвему деду

духов, токмо покрытых бурым мхом да имеющих разные глазки: желтого, синего, зеленого и даже красного цветов. Больно дивные, понеже как увитые, як и дед ихний, бородами да усами.

Гаёвки, то значит внучатки деда, приземлились на землицу и тем падением свернули крик Багреца да придали Алёнке смелости, посе му она поспешно вскинула вверх правую руку, и, приложив ее дланью к груди, молвила:

– Здрав будь, дедушка Гаюн и здравия твоим внучаткам! – Девчуга медленно опустила руку вниз, тем самым движением указав на чистоту намерения и сердечность, и добавила, – мы туто-ва во лесу не шалим, а ступаем в иные места, в небывалые дали к бабе Яге.

– Нашто? – пропыхтел сквозь густые заросли мха-брады и усов Гаёв дед.

– Тык велела Земляничница и Макошь, – и вовсе едва слышно шепнул Орей да малешенько задрожал, пужаясь такого огромного духа.

Абы знал и он, и сестрица его, что Гаёв дед – лесной дух, заботящийся и следящий за зеленой нивой, которого все звери и птицы слушаются. Власти духа и люди всегда подчинялись. Так как ведали славяне, что без позволения Гаюна нельзя было в лесу деревья рубить, иначе явится тот в истинном своем образе и вельми покарает. А облик тот оказался больно страшен, вот отрок и задрожал, а за ним испугалась и, стоящая чуть впереди, отроковица. И колтки, пожалуй, тоже вспугались и затихли птицы, звери, да и гнусь, гдей-то замерла, вже так опасаясь гнева Гаёва деда.

У! да, то безмолвие длилось совсем крохотолку времени, понеже как в следующее его движение, кой-то из Гаёвок (внучаток значаца) весьма задорно засмеялся. Ну, ей-ей, как смеялся Орюшка али Алёнушка. Они дотоль все сидевшие обок ног дедушки Гаюна торопливо, словно ежи, расползлись в разные стороны, притаившись, кто за кустиком, кто за травушкой, кто за деревцем, кто за камушком, кто в ямке. И давай из мест схрона еловые шишки в ребятушек да колтков кидать.

Вроде как одну шишку, а посем да махом цельную их пригоршню. Так, что девчущечка и не успела сообразить, как одна из тех шишек ей прямо в лоб угодила, а вторая прилетела малыцу в рот.

Оно б может, стоило проявить покорливость и молча снести те удары, да того не позволили содеять колтки, как-то вельми стремительно вступившие в противоборство. Поелику уже в следующий миг еловый плод ударивший Алёнку и быстро поднятый с оземи (все доколь стонущим) Багрецом отправился в обратный путь, очень метко попав в красноглазого Гаёвка, схоронившегося за небольшим валуном. Вызвав у последнего весьма раскатистый смех, даже не хо... хо, а, прямо-таки, хихихишечки.

В след первой шишки в инога желтоглазого внучка дедушки Гаюна, притаившегося в расщелине меж корней лиственницы, попала та, которая была принята ртом Орея. Ужель подбранная стоящим обок с мальчиком Бешавой, она не менее направленно угодила желтоглазому, как раз в нос. И тот же миг со стороны Гаёвок полетел рой еловых плодов, сопровождаемый развеселым хихиканьем, хахаканьем и даже фырканьем.

Тот обильный поток шишек не просто осыпал детишек, но и понятным образом задел колтков. Вызвав в них ошутимую сердитость так, что последние ответили не менее забористым окриком:

– Ну, мы вам ща! Огольцы! – и принялись отбивать летящие в них еловые плоды головами, руками, и даже подсигивая на месте, вскидывающимися вверх ногами-корнями (там, в основном подошвами паробошней). Их потешные прыжки, покачивание круглых, как клубок голов, удивительно меткое отражение падающих шишек (так, что они почитай все попадали во внучаток), да не менее потешный смех и колыхание бурого мха Гаёвок, вызвало не менее задорный смех у братца и сестрицы. И так как они и сами были завсегда рады-радехоньки пошалить, то немедля принялись подхватывать с землицы еловые плоды и пущать их в соперников.

А шишек становилось все больше и больше. И, хотя в лиственничнике не должно было им находиться, абы тут не росли ели, да и ноне (в летний период) на ветвях деревьев они смотрелись покамест крохотульками, их все прибавлялось и прибавлялось с каждым взмахом лап внучаток Гаюна. И в этом узком перелеске, словно проложенном полосой между двумя рядами деревьев слышался довольный смех детей, духов, позвякивание бубенчиков на поясах первых и редкое повизгивание и побряхтывание (видимо, оттого куды попала шишка) последних, заглушающих все иные лесные звуки. А в воздухе мелькали парящие бурые плоды ели, наполняющие пространство смоляным дух хвой и оставляя от собственного движения едва приметную для глаз мороку. Кусочки почвы, высохшие травинки, тонкие сучки и даже иголочки, все то, что некогда являло лесную подстилку, также порой взмывало кверху, проносясь меж противниками и еще сильнее застилало ясность обзора.

И такое веселье длилось не долго, не мало, а завершилось и вовсе как-то махом. Тады, когда один из выспевших плодов ели (пущенный в направление Гаёвок) угодил Гаюну прямо в глаз. От этого попадания Гаёв дед почему-то громко икнул, а потом нескрываясь недовольно молвил:

– От чё ж вы туто-ва развили, озорники туды вас чрез колоду?

Его голос, звучавший низко-раскатисто на последнем звуке усилился в мощи, и, завершился низким рычанием, таким, какое порой издавали комы. Сей мощный рык сдержал движение плывущего опада так, что в том малом промежутке времени стала различима, как сама рябь воздуха, так и отдельно плывущие в ней шишки, хвоинки, травинки и катушки почвы. А когда соседние деревья встряхнули своими ветвями, выражая, таким родом, недовольство, замерший в воздухе опад, за единый вздох, весь осыпался на землю. К диву ребятишек сызнава создав на почве ровную лесную подстилку, сокрыв не токмо шишки, но и ветоньки, лишь явив неприметные такие наносы. И тот же миг лиственничник наполнился розовато-голубым светом, спущенным с бледнеющего небушка нежно-багряным солнышком и смешавшегося с зеленым цветом лиственницы. И этот мягкий предвечерний перелив гая, готовящегося к покою, негромко уханьем огласил сидящий на дереве крупный рыжевато-бурый филин, а может пугач. Он блеснул своими крупными густо-желтыми глазами да шевельнул небольшими перьевыми ушками, точно подивившись произошедшему тут озорству.

Дедушка Гаюн внезапно качнул свое могучее тело, единожды дернув головой, да встряхнув густящими прядями мха на ней, и переваливаясь вправо-влево, вельми неуклюже, направился к детишкам и колткам, волоча свои мощные, медвежьи лапы по земле-матушке. И такой у Гаёвого деда смотрелся грозный вид, что Алёнка поспешно шагнула назад и прижалась к Орею, а с иных двух сторон их подперли колтки, пожалуй, прикрыв собой спереди и сзади. Хотя Бешава так сильно вздрагивал, а его клубок голова покачиваясь, теребила (поместившиеся сверху на ней занамест волос) веточки бузины дюже пронзительно позвякивающих черными ягодками. А может то позвякивали бубенцы на поясах ребяташек, всего-навсего...

– Нешто можно дык гамить во гае? – заговорил, вопрошая Гаюн, останавливаясь в шаге от детишек и колтков, да навис над ними своим мощным образом. – Нешто вы не ведаете, чё в энтих заповедных лесных даях правит Святобор со своими сынками Туросиком, Стукачом, Свидой и Пахмой. И ежели духи указывают тока на кой-каких кусочках бора, то Святобор повелитель усега этого зеленого приволья, иде он поддерживает жизнь созданий, решает кому из лесных обитателей должно жить долго, кому коротко. Святобор назначает, кой зверь в нонешнюю стужу замерзнет, а кое древо сломит молния. Он справедливый и добрый властитель, но, непременно, покарает того, кто старается напакостить в лесу. Одначе, ни-ни, встретится вам с его сынками.

Гаёв дед смолк и торопливо огляделся, вроде пужаясь чего-то, и тем вызвал заливистый визг собственных внучаток, досель притихших возле мест схрона, которые теперь принялись шибко копать опад, вскидывая вверх опавшую хвою и тем себя, ею прикрывать. Так,

что не более мгновения и с утихшим верещанием пропали с глаз и они сами, только остались на месте их прежнего пребывания небольшие кучки приподнятой лесной подстилки, изредка малешенько вздрагивающей.

– Поелику коли вы во пути-дороженьке слышите стук топора, али углядываете оленя с расписными рогами, – продолжил толкование Гаюн, и раскатисто выдохнув, зарычал на последнем звуке. – Никак не хаживайте за той животинкой аль на стук топора, вспять того не сворачивайте с торенки, оную прокладывает пред вами чудной таковой клубок. И ведомо дальче не гомоните.

– То ведь не мы проказничали, а твои дедушка Гаюн внучатки, – отозвался Орюшка, первым из странников прекращая вздрагивать.

– Вы и до встречи со мной дже галдели, стенали и хныкали, и то ладушки, чё я вас первым услышал, – пояснил Гаёв дед и улыбнулся потому, как уголки его глаз вскинулись вверх слегка уменьшив ширину самих глазниц. – Благо, чё мне весть о вашем ходе от Земляничницы к первому прибыла. Ведасть вы должны, чаво Яга не в нашем крае обитает, а в ином, чуждом. Потому допрежь ее земель придется вам спуститься в медвежье логово, туды вас клубочек ведет. Токмо в нем вы найдете проход в небывалую даль, куды ход живым людям закрыт. Но жилище сего зверя может открыться лишь тому, кто ведает его истинное величание.

– Величание! – повторили братец и сестричка, да переглянулись между собой припоминая все, что ведали про этого зверя.

А знали они не много ни мало следующее...

Ком, ведмедь, черный зверь, лесник, ломыга так вот славяне звали-величали этого сильного, мощного зверя. Единожды опасаясь и восхищаясь. Обаче этот зверь получивший прозвище «ведающий мед» за любовь к меду не только считался хозяином леса, но и был олицетворением бога Велеса. А в лесу хоть и правил Святобор, духи лесные завсегда Велесу, богу семейного благополучия и хозяйства подчинялись, состоя в его рати. Поелику считалось, обликом тот бог походил на медведя и, одновременно, на человека. Ведали славяне из сказов предков, что кадый-то в Яви властвовала многие лета тьма, и люди без красна солнышка смешались, застлалась у них ночь и день, пропала скотинка, исчезла зелень с полей и лугов и лишь Велес, бог мудрости тогда пришел на помощь. Он принес славянам огонь с Небесной Синей Сварги и возродил скотоводство да земледелие. Много имен было у медведя, зверя – олицетворяющего бога Велеса, а какое считалось истинным, того не ведали детушки.

Посему Алёнка, вскинувши вверх свои резко выступающие плечи, бугорки на каковых приподняли материю рубахи, ответила за всех:

– Никоим побытом того величания мы не ведаем, а ты нам дедушка Гаюн его не скажешь?

– От чаво не ведаю, то не ведаю, – молвил дух и тяперича его очи приобрели свой исходный вид, да расширившись явили нежную свою голубизну. – Одначе слышал я от сынков Стрибога, чё в величание зверя имеется название егойного жилища. Ежели сие название ведаете, не трудным станет для вас разгадать и имя зверя.

– Тык то значица загадка? – догадливо спросил Орей, и, подняв вверх правую руку, обтер долгим рукавом рубахи свой нос, собирая на ее льняное белое полотно прозрачную слизь. – А я вельми люблю загадки разгадывать.

– Скорей то не загадка, а головоломка кою надобно решить, приложивши догадливость. Токмо голову от тех думок не ломайте, – отозвался Гаёв дедушка и тягостно дыхнул, будто соперивая детишкам каковым помочь, толком не сумел. – А ноне оставайтесь туто-ва, я вас оберегать буду. А внученьки мои шалаш для вас на ночь сварганят, иде вы будете мирно почивать ноченьку.

Дедушка Гаюн сызнава улыбнулся, потому как уголки его глаз вскинулись вверх слегка уменьшив ширину самих глазниц, а миг спустя присев на задние лапы, резко их, разогнув, прыгнул вверх и вперед, словно стараясь накрыть собой стоящих спутников. Могучее тело

медведя только на морг нависло над ребяташками и колтками, вроде темной тучи, а посем враз поблекнув (почитай, что до иссера-бежевого цвета), распалось на множество тончайших высохших хвоинок, оные осыпались вниз на оземь, нежно (будто огладив) скользнув по голове, лицу стоящих. А на том месте, где допрежь находился Гаюн, неожиданно ровно вспухла лесная подстилка. Изогнувшись небольшой кочкой, она лопнула посередке, осыпав сухую хвою, листочки да ветоньки наземь, выпустив из-под себя высокий расширяющийся книзу глиняный кувшин для молока, величаемый кринка, и лежащие на нем два больших ломтя хлеба.

– То вестимо Гаёву деду ктой-то дар приподнес, – зыря на кринку и хлеб пояснил все поколь находящийся поперед всех Бешава, и веточки бузовника на его голове, качнулись из стороны в сторону, точно чему-то дивясь. – И он его принял, а то значица, чё ноне иде-то в лесочке люди деревца срубят, дабы поставить себе избу.

То, ясно, и Алёнка с Ореем знали, что прежде чем рубить деревья в чаще лесной надо поднести угощение Гаюну, чтобы дух позволил их заготовливать, и сама изба стояла долго. Знали они и то, что оставляли завтрак для Гаёва деда и ожидали его позволения, и коль тот его давал, угощение пропадало. Впрочем, вельми нынче виноватой ощутила себя девчушка, по доброте душевной, понявши, что ради нее и братца будут вырублены где-то в бору деревья, да оглядевши взгрустнувшие обок них росшие лиственницы, мягко молвила:

– Блага дарствую дедушка Гаюн за угощение мене и Орюшке. И вас опять же деревца блага дарю, чё не дали нам голодными быть.

Мальчонка меж тем резво шагнул вперед, и, присевши обок кринки, нежно огладил лежащую на ней пузырчатую, бурюю поверхность ржаного ломтя (вельми схожего с весенней борошенной пашней) по-доброму поддержав сестрицу:

– Агась, блага дарствуем, – да тотчас облизал губешки кончиком языка, тем примечая не только вкус хлеба, но и его удивительный дух, без коего ни одно кушанье у славян не было сытным.

И немедля растущие округ лиственницы колыхнули своими вершинами. А качнувшись на их стволах ветви принялись похрустывая, словно сломленные, опадать вниз, стремясь попасть как раз посерединке узкого перелеска, проложенного полосой между двумя рядами деревьев, в шаге, не более того, от путников. Ветви еще продолжали лететь (чутьочку кружась в воздухе), кады размыкая надвое лесную подстилку (вроде раскрывая дверь в избе) из мест своего схрона выбрались Гаёвки. Весьма скоро они побежали на своих коротких ноженьках к поваленным побегам дерева, да толкаясь меж собой, громко стеная и посмеиваясь, принялись строить из него шалаш. Укладывая ветви, друг на друга, переплетая их более тонкие побеги, хвоинками, обвивая прорехи тончайшими нитями бурого мха, который они вырывали из собственной бороды. И сызнава перелесок наполнился гамом, писком, скрипом, хрустом и хихиньками так, что того шума испугавшись все странники в голос принялись шикать на внучаток, особливо громко повторяя:

– Тише вы тамка, тише! Чё вам дедушка Гаюн толковал?

Да только шикай не шикай на духов, призывай к порядку, нет ли, те ровно не слыхивали. И продолжали ощипывать свои бороды, тащить ветви вверх, укладывая каждый следующий слой так, дабы он прикрывал нижележащий до половины, чутьочку покачивающийся, да выплетать чудную такую округлого вида сень. Гаёвки замерли на крыше шалаша лишь тады, когда тот глянул на странников небольшим отверстием, ведущим внутрь, кажется, мигом спустя и сами, обернувшись иссера-бежевыми хвоинками, которые просыпавшись через тончайшие щели в ветвах, создали в недрах его мягкую подстилку.

Глава пятая. Копша

Раздольные розовато-алые лучи солнышка, дотянувшись с небосвода до Мать-Сыра-Земли, единым махом разукрасили ее в разные цвета, согнав синеву ночи в глубокие моря-окияны, долгие речки, пузатые озера да звенящие ручьи, передав ужель им ее темные тона. А в лесочке от той утренней зореньки принялись переливаться зелеными оттенками хвоинки и вспыхивать на их остроносых кончиках прозрачные голубоватые росинки. Живыми в лесочке были не только духи, звери, птицы, но и деревца, кусты, травы, кои заменяли землице-матушке, или как ее еще величали славяне богине Мать-Сыра-Земле, долгие волосы. Каменные горы по поверьям людским являлись костями богини, мощные корни деревьев – жилами, а вода, текущая по руслам рек, слыла ее кровью. И была земля всегда живой, умела цвести и петь в теплые денечки, грустить и стенать в студеную пору, да всегда старалась помочь человеку, бескорыстно делясь с ним своей сутью.

Посему когда Алёнка вылезла из шалаша, оставив поживать в нем братца, да испрямившись, принялась радоваться теплу этого раннего утра и нежным оттенкам природы. Свежий, проворный ветерок, пробежавшись по лиственницам, качнул на них ветоньки и с хвоинок сорвавшись, полетели вниз росинки и вовсе, кажется, зазвеневшие. Дуновение воздуха огладило волосы девчужки и несильно дыхнуло в лицо так, что она враз заморгала, шумно плюхая своими частыми, длинными ресницами. То, небось, кой-то из Листичей, духов управляющих тихими ветерками в лесу, шалил, эдак, пробуждая не только ребятушек, но и малых птах, зверей, возвещая всем о наступающем дне.

Девонюшка лениво раскинула в сторону ручонки, потягиваясь и тягостно передернула плечиками, абы на них какая-то ерза с ветки скинула росинки (вельми иначе крупные) видимо, те какковые не успели долететь до землюшки. Капель осыпала ковыльные волосы отроковицы, скатилась по бело-розовой, словно прозрачной, коже, задевши ее розовые щеки, голубые глазки и ярко-красные губы оставивши на них полосы так, точно она горько всплакнула, припоминая сродников и сильнее всех бабушку Обраду.

– Алёнка, чирк... чирк..чакр, подымай братца свово, пора у стёженьку собираться, – послышалось, кажется, с самой дальней лиственницы, своей мощной кроной с тонкими ветоньками на концах и мягкой хвоей касающейся серо-розоватого небосвода.

Девчурочка немедля вскинула вверх голову и узрела сидящую на нижней ветви того дерева черно-белую с радужным переливом хвоста сороку.

– Не рюмь девчуга, абы, неизменно, ты с братцем дотопаешь до бабы Яги, а тамка гляди-ка она пособит высвободить ваших сродников, чирк... чирк..чакр, – докричала сорока (поелику дюже громко молвила человеческим языком не говоря о птичьем) и разком спрыгнув с ветки на нижнюю качнула головой, да взмахнула крылами вроде собираясь взлететь.

– Ты кой таков? – удивленно спросила Алёнушка, признавая знакомого в птице, оно как больно у той черные глазоньки проказливыми были, да и сверху головку густо венчали веточки бузины, где теребились от движения не только зеленые листочки, но и перекатывались черные ягодки. Впрочем, не больно дивясь тому, что сорока с ней человеческим языком принялась калякать. Таким раздольным, вольным какковым являлся славянский говор.

– Кой? Кой? – затараторила сорока и, на-тка, взметнув крылами слетев с ветки, закружила над головой девчужки. – Тот самый я, кой весть добрую мыкает. Нешто, Алёнка не ведаешь ты, чё кады сорока стрекочет, удачу ко двору несет.

– Эвонто Бешава, ерза непоседливая проказничает, – загутарил Багрец, выползая на карачках из шалаша и подымаясь на ноги, испрямился. – Никакая сие не сорока, всего-навсе брехливый мой собрат, – дополнил колток и на обоих его ликах (что на животе, что на голове),

розовые губы скривились, словно выражая недовольство. Абы девчущечка еще вчера приметила, что Багрец зачастую на соплеменника своего коргузится.

– Сей миг же обертайся вспять, – досказал он, раскрывая все присущие духам оборотничества и замерши подле отроковицы, упер руки в бока, пальцами прикрыв рот на втором лице, поместившемся на животе (дуже недовольно притом поморщившемся) понеже вся последующая речь его прозвучала многожды ниже. – А чавой-то ты веселишься, братец, радуешься чему неясному, неведомому. Нешто может дух, упрежденный поручением от Земляничницы, слыть таковым вертуном.

Сорока, а вернее колток Бешава, внезапно свел в единую целость оба крыла, став схожим с серым переливающимся радужными цветами пятном, да перевернувшись в воздухе зримо удлинив тельце птицы, рассекая хвост на две ножки, выплеснул пепельно-бурые лучи – две ручки. Теперь уже созерцаемо дух, а не птаха, крутнулся вправо да влево, а может вверх-вниз, и, сбросив перья, обернулся Бешавой. Еще малость и колток обеими ногами, точнее порабошнями обутыми на стопах корней, коснулся земли-матушки, приземлившись напротив девчужки и собрата. И вскинув вверх маханький с вычурно вздернутым кверху кончиком нос, будто принохиваясь к чему-то, молвил:

– А ты братец, Багрец, як хмара какая-та. Усё веремечко брюзжиж, брюзжиж. Тем дразнишь не токмо меня, но и Алёнушку, и Орюшку.

– А ты помызгун и топтун, – незамедлительно и вельми обиженно откликнулся старший колток и шмыгнул обеими ноздрями, точь-в-точь, как Орей, вроде переминая нюни.

Понеже услышав данное огорчение девонюшка сразу загутарила, дабы оборвать всякую свару:

– Будя вам разводить туто-ва безладицу. Неровен сиг вы ащё и поколотите друг дружку, а нам ужоль пора подымать братца и хаживать дальче. Да и надобно разгадать величание кома, обаче никады нам тадыличи не попасть в иную, небывалую даль.

И немедля оба колтка присмирели, да принялись, как и указывала отроковица, собираться в путь-дорожку. И коль Бешава полез в шалаш подымать Орея, Багрец кинулся к стоящей в небольшой выемке (в шаге от сени) кринке, каковую прикрыли веткой древа, и куда загодя (дабы не испортилось молоко) кинули изловленную повечеру лягушку. Колток откинул в сторону ветвь лиственницы и присев на корточки, дуже дивно согнув ноги в двух местах (не токмо в коленях, но, пожалуй, что и в лодыжках), ухватил кувшин за горлышко, да резво дернув его на себя, одновременно, испрямив ноги, поднялся с присядок. Он все поколь, прижимая к груди и второму лицу на животе кринку, заглянул в ее горло и весьма недовольно протянул:

– Поди отседова... Погляди-ка, трясь кака усе млеко ребятишек вылакала. Усё! Ничегошеньки не оставила ребятушкам.

– Кто выпил? Кого? – взбудоражено дыхнула девонька, сама зарясь на спину Багреца и его часто трясущиеся на голове ветоньки бузины, заменяющие там власы. Больно подивившись тому, что дух с кем-то толкует и, что квакушка могла выпить молоко.

Однако сестрица еще толком не сумела скумекать, как из шалаша торопливо выскочил Бешава, а за ним вылез широко зевающий Орей. Младший колток немедля подскочил к собрату, и, боднув его в лоб макушкой головы, сам заглянул в глубины кувшина, да горестно всплеснув руками, обидчиво проронил в кринку:

– То не лягушка, чё не зришь, – и сызнава попытался боднуть братца в лоб, однако последний благоразумно увернулся, посему ветоньки бузовника лишь огладили его сверху. – То, трясь какая-то. От бедушка, абы эвонта трясь усе молоко вылакала. Ты чаво ж Багрец вчарась его кады пушал в кринку не видал, чё сие дух... не квакушка.

– А ты нашто занамест квакушки споймал духа? – мгновенно переходя в нападение, откликнулся старший колток и обрушил собственный лоб на голову братца так, что тот слы-

шимо охнув, качнулся туда-сюда и повалился на оземь, вспахав лесную подстилку ручонками да воссев в то углубление сракой.

– А, ну-тка, – все с тем же гневом заговорил Багрец, зарясь вглубь кувшина и явственно обращаясь к духу. – Ктой таковой, толкуй, не мешкая, и яснее ясного млеко из себя выпускай. Абы по твоей воровливости Алёнушка и Орюшка останутся голодными, понеже ведь хлебца ужотко почитай таки да нет.

Того дивного разговора не стерпела не только сестрица, но и братец, и ежели первая разком подскочила к колтку, то второй прыжка в три оказался подле них. Детвора обступила Багреца с двух сторон и единожды заглянула в посудинку, откуда на них, с-под самого дна (где едва теребилось молочко) глянула лягушка. Только не маленькая, зелёная (кою давеча туда пускали), а здоровущая такая, будто оплывшая от выпитого молока, чудного бело-желтого цвета, лоснящаяся как взбитые сливки, у которой согнутые под туловищем ноги опять же были рыхлыми. У квакушки и выступающие глаза смотрелись непривычно ярко-красными (обведенными тонкой полосочкой белка), и мордочка больше походила на человеческое, круглое личико, с небольшим костлявым и вертлявым носиком, выступающими скулами да тонкой трещинкой заместя рта. Лягушка внезапно приотворила рот-щелочку и весьма гулко для такой крохи, на человеческом языке сказала:

– Я не ведывал чё энто млеко, кумекал клад то. И я сей клад, аки и должно сберег.

– У, да ты Копша, – негодующе протянул Багрец и шибко тряхнул посудинку. Отчего дух в ней находящийся стукнулся вначале об одну стенку, а потом и о другую, всколыхнув вверх малешенькие струи оставшегося молока, и вельми часто застучал по ним не тока задними согнутыми толстыми лапками, но и передними, не сильно от них разнящимися шириной.

– Тобя кто сюдыка звал? Кто указывал млеко схоронить? А, ну, вылазь из кринки грымза чумазая, я тебе зараз затычин наставлю, – дополнил все также сердито старший колток.

– И чё, ты язычишь дык в кринку? – гулко отозвался Копша да горестно выдохнул, пустив изо рта малый белый пузырь, меж тем не переставая стучать по остаткам молока лапками. – Вскую не чуешь, як туто-ва зык коргузится, ажно глава уся звуками заполонилась. А касаясь, ктой звал-зазывал и чё язычил, толкую, – дух смолк, и тотчас застыли его лапки, одну из которых он вскинул и перепончатыми пальцами принялся чесать свой выпученный глаз, смахивая с него в останки желтого, загустевшего молока рыжие искорки. Так, что увидев таковое свинство Алёнка спешно отпрянула от кувшина и перекосила полные ярко-красные губы, решив никоим образом то молоко не пить. Одначе Орей, будучи менее брезгливым и, может статься, более голодным лишь взволнованно облизал губешки розовым языком, так-таки, не перестав заглядывать внутрь кувшина.

– Дык вотде, – между тем толковал дух сберегающий клады, опуская вниз лапку и наново принявшись переминая под собой молоко, совсем чуть-чуть пуская в разные стороны мелкие струи, вроде пахтая его. – Звали-зазывали сюдытка мене вы самые. Дык и бачили, вчерась по вечёру, чё понадоба нам сберечь Алёнкино и Орюшкино млеко доутру. Ну, а ктой же у гаю его лоучыши мене сбережет? Вот я, услышав воздыхания, и, явился. Як и прошено було вами, лягушкой-квакушкой оборотился, дабы сберечь последки добра, то значаца клада. И аки должно, а вами указано, добро сберег, нонича оно николеже не сгинет.

– Эт, потому добро не сгинет, чё его нетути, ты его сожрал, – откликнулся сидящий на земле Бешава, внимательно слушающий реченьку духа, дюже громко звучавшую из пустого кувшина.

– Вылазь из кринки, сей же миг! – тяперича наказали сообща Орей и Багрец, абы такое бесстыдство духа ужось надоело и мальчонке.

– Вотде-вотде, ужель покидаю. Токмо допахтаю млеко до маслица, дабы добро не истощилось, и чада сыты были, – произнес Копша и принялся взбивать масло теперь и передними лапками, и так он данное сбалтывание резво проводил, что в кувшине чего только и виде-

лось лишь мелькание его бело-желтых лапок. У духа сберегающего клады и без того выступающие ярко-красные глаза выпучились еще сильнее, а на небольшом лбу, похожем на усеченный в ночном небосводе месяц, и вовсе проступили (будто пот) мельчайшие белые капельки. Внезапно лягушка-дух, резко сиганул вверх, и с тем тотчас плюхнулся на донышко кринки, а из-под его лапок вылетел выспры небольшой такой клубочек желтого масла и прыгнул прямо в руки Орея. Лоснящийся, он, скользнул по розовой коже ладошки мальчика и блеснул собственными бочками в розоватых лучах восходящего солнца.

– Вох! – всполошено вскрикнула сестрица стоящая обок братца и уставилась на его ладошку, где дивно так поблескивал клубочек масла. Еще чуточку времени и масле, под теплотой лучиков красна солнышка, распалось на два кусочка, меньшей из которых (как старшая) ухватила перстами девонюшка и сунула себе в рот.

Орей тоже не стал медлить и пихнул к устам всю ладонь, да втянувши остатки масла в рот, причмокнув от вкусности, принялся языком вылизывать маслянистый след, оставшийся на коже руки. А Багрец промеж того склонил кувшин на бочок и принялся его трясти туды-сюды, намереваясь вышвырнуть из него духа. Однако, как колток не размахивал кринкой, как не разворачивая заглядывал вглубь ее (сотворив суровость на лице), Копша оттуда не выходил, вспять того он крепко держался за стенки посудинки четырьмя лапками и вельми притом представлялся разнесчастным.

– Туды тебя в марь, – сердито молвил Багрец, и наново заглянув внутрь кринки, яростно ее потряс. – Выходь говорено тебе, – дополнил он, обращаясь к духу сберегающему кладу.

Из посудинки послышался жалостливый стон, и тады к старшему колтку, поднявшись с землицы-матушки, подступил младший, жаждущий пособить в выдворение проказливого духа из посудинки. Братцы разместились друг напротив друга, ухватив кувшин за дно и, одновременно, за горло, да днесь уже вместе начали раскачивать его так-сяк, всяк раз приговаривая:

– А, ну-кась, кулёма пшла отсель!

Кулёма, впрочем, пошла не сразу, а лишь с пятой попытки. И то явственно не от тряски, а по собственной воле. Поелику вельми шустро вылетев из кринки, пролетела аршина два не меньше и угодила в небольшой кустик, стелющийся по почве лапчатыми ветвями. Схоронившись в нем и замерев, Копша не просто к ветвям прислонился, а, прямо-таки, слился с узкой голубо-зеленой ее хвоей. Багрец, не мешкая, дернул на себя кувшин, вырвав его из рук братца, и заглянув внутрь него, обидчиво проронил в те пустые глубины:

– Всё, трясь таковая чумазая выпил, – вновь потрясся кринку, он разгорячено швырнул ее на землюшку, да немедля направился к хвойному кустику, с тем же рвением досказав, – сей сиг мы тебя разыщем.

А следом за ним вже не столько пошел, сколько упав на карачки, пополз Бешава. Младший колток резко вздрогнул всем своим тельцем и ажно ручками, корнями-ноженьками, и по его зеленовато-серой коре (аль все же коже) пробежала ярчайшая рыжеватая изморозь. Она густо покрыла всего духа мельчайшими крупинками льда, словно от опавшего снега, схоронив под собой обычный его цвет. Бешава рывком отряхнулся (как пес опосля купания), расплескав в разные направления рыжеватые кусочки льда. И стал схож с рыжей, невысокой собакой покрытой густой шерстью да повиливающей загнутым в колечко хвостом, той самой, каковая жила во дворе ребятишек. Посему узрев сие диво дивное не только Алёнка встревожено замерла, но и Орюшка перестал вылизывать и без того чистую ладошку да вытаращил свои серые глазки так точно, как дотоль пучил их Копша сидючи в кринке.

А Бешава-пес, вильнул своим хвостиком, качнул собачей головушкой, кончики висячих ушей которой были увенчаны кисточками, перекачывающими туды-сюды черные ягодки базака, да проворно ринулся в куст, куды спрятался Копша, опережая прыткостью собственного все еще идущего братца. Пес, достигнув в три прыжка кустарника, напал на ближайшие его ветви и громко рыча, принялся копать под ним землюшку, откидывая в разные стороны опав-

шие иголки, пожухлую листву, шишки, ошметки сучков и травы, крупинки почвы, чудно так направляя весь этот опад прямо на подходящего собрата. Понеже последний не выдержав того баловства, брюзгливо поморщившись (сразу обоими лицами) с досадой молвил:

– Ужель опосля таковых копаний Копша, яснее ясного, убежить. Нешто, ты тумкаешь, Бешава, дожидаться станет, кады ты его сыщешь. Ты же зрил, он у саму середку куста притулился, на кой ляд у края копать заделался?

– Не поминай Лешего у реченьке, не ровен день явится, – отозвался пес, и, перестав копать, развернул голову в сторону ступающего братца. Да поразил детишек тем, что взанамест морды на голове у колтка все также помещалось его лицо, плоское, круглое с пепельно-бурой кожей, маханьким носом, небольшим ртом, и двумя черненькими глазиками.

Бешава толком не успел договорить как промеж лап его, выбравшись из-под длинной ветви кустарника (касающейся иголками почвы), выползла, скользнув по земле-матушке, маленькая, тоненькая желто-белая с зелеными продольными полосками змейка. Увидев оную дюже визгливо заверещала Алёнка, абы как все девчушки побаивалась гадов. И тотчас к ней шагнул впритык и чуток поперед Орей прикрыв сестрицу от змеи, поелику как все мальчишки гадов совсем не страшился. И тут же Багрец, присев на корточки, согнул ноги в коленях да прижал ко второму лицу не тока их выпирающие части, но и человеческие руки. Внезапно да срыву он прыгнул вверх, и, продолжая быть собранным в купу, подскочил почитай, что на несколько аршинов. Все с той же стремительностью старший колток перекувыркнулся через голову, одновременно, выпустив во все стороны густеющий зеленовато-серый чад, который на малость, ажно! сокрыл в себе весь его образ.

Легкий ветерок, носящийся в воздухе, порывисто пробежался по хвоинкам и ветонькам, слышимо хрустнув смехом и на мгновение, проявился просвечивающимся нешироким лицом духа, управляющего тихими ветерками в лесу. Его озорные, крупные зеленые глаза, мясистый, с узким основанием нос (так, что казалось глазницы, ладилась сразу к основанию) и пухлые голубоватые губы были опутаны клубистыми локонами волос, таких же полупрозрачных и всего-навсего видимых вследствие движения самого воздуха. Нежданно Листич выкинул вперед свою просвечивающуюся руку (точь-в-точь, повторяющую видом человеческую), и, содрав со старшего колтка зеленовато-серый пар, широко улыбнувшись, пропал, ровно войдя в ближайшую ветку лиственницы и оставив на ее кончике степенно редуемый сгусток тумана.

А на землю тогда ж упал небольшой зверек, покрытый густым рыжим мехом. Его вытянутое тело с короткими ногами, пушистым хвостом, гибкая шея и удлинённая голова увенчанная веточками бузины лишь малость покоились на земле-матушке в бездействии. Впрочем, уже в следующее мгновение хорек, развернувшись, напал на ползущую вблизи змейку, ухватив последнюю за хвост, вскинув ее кверху и мотнув тудыли-сюдыли. Отчего внезапно гад приоткрыл малешенький рот, и истошно завопил человеческим голосом:

– Спасите! Уберегите! Губят мене душегубцы таковые рассекие!

– Ктой? Когой? Иде губят? – гневно вскрикнул Бешава, все поколь тарасившийся в куст, разыскивая в его глубинах духа сберегающего клады и яростно рыкнув, завершил реченьку чудным своим «шааак... шааак».

– Мене! Мене, Копшу, губят! Кые-то пришлые, чуждые, незнамые! – продолжил вельми мощно орать дух сберегающий клады, видно надеясь, что колток ему пособит.

Копша и вовсе единым рывком дернулся в бок, оставив в зубах хорька (а точнее Багреца) кончик своего хвоста и упал на оземь. Он переверотился туда-сюда, расплескивая в разные стороны опавшую хвою, травинки и кусочки почвы, да в том трепыхание опада и сам вроде как вспух в образе, став схожим с толстущей (хотя и короткой) змеюкой. Чешуйчатая кожа, на которой внезапно лопнула поперек и раздалась в стороны, да также сразу, как и опадающая крупинками земли лесная подстилка, скатилась вниз, показав находящегося внутри маханького (чуток пониже колтков) вельми худого человека. Укутанного в какие-то рваные отре-

пья. Копша торопливо вскочил на свои тонюсенькие ноженьки, суетливо взметнул ручонками и огляделся. Понеже приметно стало его круглое лицо, днесь подходящее на лягушачье с выступающими ярко-красными глазами, небольшим вертлявым носиком, выступающими скулами и тонкой трещинкой-ртом. Дух сберегающий клады еще чуточку медлил, а потом, сорвавшись с места, ринулся прямо к Алёнке, дабы суетливо нырнуть под подол ее долгой рубахи, прижаться к правой ножке, там, чай, только, и, намереваясь укрыться от буйных колтков.

И девонька того безобразия никак не ожидающая испуганно ручками всплеснув да дюже громко вскрикнув, качнулась вперед-назад. И в лад с ней громко охнул мальчонка, точно желая в том беспокойстве поддержать сестрицу.

А округ земель тех, дремучих, покрытых могучими деревьями набирая мощь, восходило на небеса солнечное светило, кое завсегда в колеснице, запряженной неодолимыми огненными конями, выводил повелитель солнца бог Хорс, извечно, как и дотоль его отец Ра, отвечающий за благополучие всего живого в Яви.

Глава шестая. Справедливый судья леса

– Эт, чаво в моем бору вершится? – послышался неожиданно глухой голос, сопровождаемый хрустом ветвей, посему и сами вершины лиственниц в этом узком перелеске, словно проложенном между двумя рядами деревьев, значимо склонились. Тот ощутимый скрежет наполнил ближайшее обраменье прогалины, да вовсе внезапно самая мощная лиственница, стоящая подле детишек (по правую сторону от них), резко дернулась вперед. Единожды разошедшаяся под корнями дерева земляница-матушка, выставила напоказ корявые, побуревшие остовы, а сама пошла малой рябью качнув на себе вверх-вниз ребятушек да духов. Лиственница с округлой и вельми рыхлой кроной, просвечиваемой желтыми лучами солнца, резво выдернула из оземь, вроде обрубленные коренья, оборвав ответвления и оставив только самые крупные, изогнутые из них с потрескавшейся поверхностью, и шагнув ими вперед, раскидала округ рыхлые комы почвы. Так, что от такого невероятного движения в перелеске вспужались не тока дети, раскрывшие рты и воззрившиеся на дерево, но и оба колтка, в единый миг принявшие свой истинный вид.

Для того оба духа упали на землю, крутанулись по ней, рассекая хвосты на две ножки, а передние лапки на ручки. Да сбросив в разные стороны остатки рыжей шерсти (притулившейся к травинкам и стелющимся кустикам на вроде капелек тумана), поднявшись на корни-ноги, обернулись колтками: Багрецом и Бешавой.

И единовременно тому обращению, прячущийся под рубахой Алёнки, Копша (обхвативший ейну ножку обеими руками), громко шмыгнув носом, откликнулся:

– Сие мене губят пришлые. Мене Копшу, тудыкась их зловердных таковых, – и сразу оборвал реченьку, так-таки, не намереваясь покидать безопасного места обок девчушки.

А лиственница, нависающая над обоими ребятушками, нежданно повернула по коло свою рыхлую крону, а после и сам ствол, так будто вначале двигались лишь ветви, вслед них все остальное деревце. И тотчас солнечный свет, проникнув на прогалину, осенил каждый ее уголок и кустик, а с небесного свода глянуло налитанное медовым переливом солнце так схожее с весенним цветком пустодем, пушицей или кульбабой.

Дерево промеж того снова качнуло своей отрубистой на конце вершиной и вздрогнуло не просто каждой веточкой, но и отдельной ярко-зеленой хвоинкой, и немедля по перелеску прокатился глухой голос, вопросивший:

– По чьему, ей-же-ей, велению Копшу губят? По чьему указанию во моем бору пришлые озорничают, дерева, птиц и зверей пугая?

Говор еще толком не стих, как ветви лиственницы затрепетав, распахнулись в разные стороны и из самого ствола навстречу детворе выступил дух. Вже не менее худой, чем прячущийся под подолом Алёнкиной рубахи Копша, только вспять того высокий. Тело духа, бурого цвета, было вельми трещиноватым, порыпанным мало чем отличаясь от коры дерева. И так же мало чем разнилось оно с внешним видом ствола лиственницы, имея мягкий закругленный образ. Что и говорить, ноги того духа (точнее его стопы) повторяли корни, а руки, точь-в-точь, ветви, покрытые ответвлениями и хвоей, имеющие на концах множество пальцев. Едва приметное лицо, поместившееся сразу на туловище, без, как таковой шеи и головы, завершалось стогом тончайшей поросли молодых веточек, всего-навсего давеча пробившихся из земли. Покрытые бледно-зеленой хвоей они, единожды, покачиваясь, трепетали. На яйцеобразном лице духа, порой смыкаемым сверху ветвями, а снизу темно-зелеными усами и брадой, каковые ему заменяли мхи да лишайники (кустистые да долгие), всего то и наблюдалось, что темно-бурые (с черными, отвесно рассеченными зрачками) глаза, да мощный нос повторяющий шляпку гриба черноватого, морщинисто-бугристого.

– Ты сам кой такой есть, чё бы нас выпрашивать? – отозвался Багрец, и, передернув плечами зараз ступил вперед, поравнявшись с замершими детишками. – Каким таким велением из древа выпираешь да дюжим ростом пужаешь нас, колтков и братца с сестрицей, Орея и Алёнку, коих сама Макошь к бабе Яге направила.

– Кхы... кхы... кхы... – немедля издал дух и подавшись всем телом (али стволом) вперед, качнув рукой, подцепил на сучки, а точнее на перста, Багреца подняв его вверх да приблизив к своему лицу.

– Дайте-ка, дайте-ка мне глянуть на того грубияна, какового надобно покарать, – проронил дух, и голос его больно сердитый колыхнул хвою на ближайших деревьях и особенно мощно на том, из которого он явился. – Жестоко покарать того оный непочтителен ко мне, самому Доброхочему, справедливому судье леса.

И не мешкая дух, сжал перста-ветви, в которых держал колтка, такого маленького в сравнение с его пальцами и особенно с ним самим. А горемыка Багрец того сплющивания не ожидая болезненно заверещав, крепко ухватился за перста справедливого судьи леса, да стал на глазах терять привычный ему зеленовато-серый цвет (близкий к коре осины), бледнея, и вроде как уменьшаясь.

– Дедушка, дедушка Доброхочий! – зараз и вельми громко закричали братец и сестричка, Орюшка и Алёнушка, да оба, всполошено всплеснув руками, укрыли дланями свои головушки (ужоль так растревожившись). – Не губи, не души ты, колтка!

И коль девчужка так и замерла на месте, прижимая руки к главе, то мальчуган, торопливо развернувшись, кинулся в шалаш, на малость, пропав в нем. Впрочем, уже в следующее мгновение, отрок выполз из прохода сени на четвереньках, прижимая к груди одной рукой ломоть оставшегося от вечера хлебца. Орей, так и не успев встать на ножки, на тех же карачках достиг кореньев-стоп Доброхочего и тады поднявшись, протянул ему навстречу подношение. Зная, наверняка, что умиловить справедливого судью леса можно хлебом да щепоткой соли.

– Дедушка Доброхочий! – вскрикнул малец и его сразу не менее беспокойно поддержала сестрица, днесь вскинув просительно ручонки в направление духа. – Прими от нас приношенье да высвободи из встрепки колтка. Не взыщи его непочтительности к тебе, ужотко он не желал огорчить, жаждал всего-навсе нас сберечь.

– Вождедел, вождедел, – чуть слышно отозвался из-под рубахи девчужечки Копша и, так-таки, обвинил её ноженьку руками, будто сливаясь с ней собственным телом. – Он вождедел мене погубить, поелику и драл за опашь. А за чё? За то, чё я учинял вверенное мене самим Святобором... Али Велесом... – задумчиво закончил дух сберегающий клады и дюже болезненно выдохнул.

– Смолкни тот же сиг, – сердито дыхнула девчура, и, оторвав ножку от землицы порывисто ею встряхнула, желая оторвать от нее приставшего духа. Но тот видно был весьма плотно прилеплен, посему лишь последовал за самой ногой, да горестно простонав, благоразумно замолчал.

А Орей все поколь продолжал тянуть руки с подношением к Доброхочему. И выставленные в сторону справедливого судьи леса, дрожащие руки Алёнки выпрашивали помилование для колтка. Багрец же на тот момент и вовсе обмяк в руках духа, уже перестав кричать, свесив ножки да ручки, склонив голову, раскрыв рот да вывалив оттуда прямо черный язык и не просто с верхнего лица, но и с нижнего (того самого, каковой располагался на животе). Явив, таким образом, аль полную покорность происходящему аль свою погибель и тем еще больше испугав отроковицу, отчего она залилась горючими слезами и гулко запричитала:

– Пусти-ка, пусти-ка, дедушка Доброхочий, Багреца, не дай ему такому разнесчастному сгинуть. Абы мы без него до Яги никак не добредем, абы Земляничница его старчим посреде нас оставила.

– Прими от нас подношенье, – едва воспринимаемо протянул Орей, и громко хмыкнул носом, от расстройства выгнав из левой ноздри белую сопель, да так и оставив ее поблескивать над верхней ярко-красной губой, словно перекликающуюся с полными слез серыми очами.

И то были времена кады по земле-матушке боги славянские хаживали... Хаживали и детушек своих, славян, оберегали.

То были времена кады каждому бору, каждому кусту, дереву, водоему дух полагался. Кады люди жили в ладу с природой, наполняя ее своим трудом и любовью. И она! Природа, бывшая при самом боге Роде, им той же теплотой и заботой отвечала...

А посему беспокойство Алёнки и Орея, сестрицы и братца, не токмо Копшу растрогали так, что он стих под рубахой девчушки, но и тронули Доброхочего. Посему справедливый судья леса опустил свою руку и положил на оземь Багреца, единожды приняв от мальчишка подношенье в виде ломтя хлеба, лишь потом заговорив:

– Не рюмь Алёнушка, не тревожься Орюшка, то ж дух... Он не может помереть, ужель я самую толику его помял, дабы он помнил, чё малых нельзя обижать.

– Да он не огорчал, Копша то вымышлял, – хрюмкая носом отозвалась Алёнка и киванием ее поддержал Орей, как и сестрица опустивший руки. – То ваш Копша, срамник такой, обернувшись квакушкой, пробрался в кринку и все наше с братцем млеко вылакал. А колтки желали ему дать встрепки, дабы он без спросу чужого не присваивал. А губить...

– Губить его никто и не смышлял, токмо так затычин бы наставили и все, – завершил реченьку, за сестрицу, мальчоня.

– Затычин и не больше того, – пронеслась по полянке поддерживающая молвь, явно выдохнутая Бешавой и Алёнкой, а может и самим Багрецом.

– Пустобаять они, Доброхочий, касаясь затычин, – откликнулся Копша, теперь как показалось девчуре, слившись с ее правой ногой. – Уже-ка они мене опашь лишити и вожделели за учинение вверенного, отымать само бытие.

– То суесловит Копша. Учинял он не вверенное ему, да и отымать бытие егойное нам не надобно, не для того мы ставлены, – тяперича весьма громко произнес Багрец продолжающий лежать на оземе и даже не падающий признаков жизни. Возле него, впрочем, зараз шелохнулся кустик травянистого растения, качнув плотно собранными зелеными листочками и шевельнув длинными бурыми усиками, точно соперживая примятому колтку.

– Копша все млеко ребятушек выхлебал, а им его дедушка Гаюн даровал, – молвил Бешава и для поддержки крякнул, вельми раскатисто, точно пужаясь. Младшего колтка и вовсе, коль оглядеться не наблюдалось в лесочке. Только сидел посередь прогалины (там, где последний раз и наблюдался дух) большущий осиновый пенек, с зеленовато-серой трещиноватой корой, местами без нее, с высокой щепой, которая завершалась веточками черной бузины с теребящимися на них зелеными листочками, и перекатывающимися черными ягодками.

– Дык я тось знать не знал, ведать не ведал, чё сие дар Гаюна, – едва слышно пискнул с-под рубахи Алёнкиной Копша, и, кажись, вдавил в ее ногу собственную голову, абы неожиданно по коже ершисто прошелся сверху вниз вертлявый нос, точно желая оставить там сопель. – Чаял тока единь: беречи добро от татей. Клад ентов я аки ведется, упрятал далекомько, и, будя он вертаться с-под озема в кладенный ему срок. Изо дня в день и дык ежедень.

Доброхочий неожиданно качнулся вправо-влево, понеже колыхнулась молодая поросль веточек в наверхие его головы, и заворошились темно-зеленые мхи да лишайники, заменяющие ему усы да бороду. Зримо шевельнулся его грибообразный нос, легошенько вскидываясь вверх (тем самым становясь еще более сморщенным) и единожды приподняв ближайший окоем кустистого лишайника, явил глубокую черную щель, в кою дух, подняв руку, положил даденный отроком хлеб. Глаза справедливого судьи леса, дотоль смотрящиеся грозными и самую малость поблескивающие, сразу помутнели. Сверху на них напозло несколько тонких веточек, вроде век прикрывших их, а щель-рот, поглотив хлеб, сомкнулась, вдругорядь схоро-

нившись под темно-зелеными усами. Обаче нос-гриб все поколь продолжал казаться вскинутым и вроде сплюсненным. Видно Доброхочему понравился преподнесенный дар, каковой он, пожалуй, сглотнул, даже не пережевывая, понеже уже в следующий миг молвил:

– Вот и ладушки, чё ты, Копша, таким стал дальнорким, – то сказывая весьма строго, точно как лесной судья, высказывая решение которое было обязательно для исполнения. И детвора от того мнения духа встревожено вздрогнула, оно как впервые видела пред собой судию. Поелику средь славян все решалось простым толкованием, абы все они меж собой были равны. И то лишь в лесах, реках, полях там, где, в сущности, имелось расхожесть сил, возможностей и главенства, богами назначались старшие, судьи и исполнители.

Доброхочий перстами (которые заменяли ему множество ответвлений и хвоинок) огладил свои усы и бороду, распрямляя на них кустистые лишайники, и протянув руку в сторону Алёнки, самую малость приподнял подол рубахи. Одновременно, он пальцами второй руки ухватил за шиворот прилепленного к ее ножке Копшу. Доброхочий малешенько качнул духа сберегающего клады вниз-вверх и тот сразу расплел объятия, притом горько вскрикнув, свесил повдоль тела руки и ноги. Справедливый судья леса тогда же приподнял Копшу вверх, опуская подол на рубахе отроковицы и сызнава качнув духа, только теперь вправо-влево, назидательно проронил:

– Раз ты упрятал тебе не врученное, не переданное, а стянутое обманом. Я, як справедливый судья леса, назначенный самым Святобором и утвержденный богом Велесом на сию службу, указываю тебе Копша, следовать с колтками и ребятушками до Яги и каждый вечер, и каждое утро выдавать им упрятанное тобою в земле млеко.

– Дык? – торопливо гаркнул, один-в-один, как ворон Копша, и, крутнувшись в воздухе на собственной одежке, удерживаемой перстами Доброхочего, повернулся к нему лицом.

А детишки, досель смотрящие на справедливого судью леса, заметили, что Копша совсем ни в отрпье то одет, вспять того очень даже прилично. На голове его сидит красный округлый колпак. Тело облачено в синий кафтан, как и положено, до колен пошитый, с длинными рукавами, стоячим воротником (застегивающийся на большие медные пуговицы), поверх оно желтовато-блестящий весьма яркий поясок проложен. А на ногах красуются красные кожаные сапожки со золотого цвета подковами.

– Вот-вот! – довольно откликнулся Багрец, наконец-то шелохнувшись, хотя и самую толику, всего-навсего подняв рук, и, видимо свернув из пальцев кукиш, направил его в сторону висящего в воздухе Копшу, очевидно, радуясь справедливому решению.

Доброхочий меж тем медленно опустил руку, а вместе с ней и духа сберегающего клады вниз, поставив его на землицу-матушку подле лежащего Баргеца, и с тем же наставлением досказал:

– Понеже не должен дух идти на обман и тем подводить весь наш род под гнев богов. Поелику на тебя Копша наложено мною наказание. А тебя Багрец от болести, так-таки, выручили детишки. Одна просьбой да слезами, другой даром. Потому завершай тут-ва прикидываться дохлым, подымайся и вместе с собратом продолжайте путь.

Говор справедливого судьи толком не стих, как он шагнул назад, и тотчас ветви стоящей позадь него лиственницы распахнулись, затрепетав каждым отростком и хвоинкой. Оно резво повернуло по колу свой мощный ствол, словно вбирая в себя тело духа, и мотнув в ту же сторону ветвями, приняло на себя руки Доброхочего. А после легошенько вздрогнуло и само деревце, и немедля землюшка пошла под его кореньями малой зябью да раздавшись в стороны, втянула в собственные глубины корявые, обрубленные те остовы (ноги справедливого судьи), раскидывая окрест малые комочки почвы, сухую хвою и листву. Лиственница разом замерла, войдя кореньями в землю и днесь выбиваясь из дотоль росших двух рядьев в перелеске, сменив место на более близкое к середине, да продолжила покачивать на своих ветвях лохмотки темно-зеленого лишайника, а на кончиках хвоинок малую кроху мха.

– От же всунулся, дык всунулся, – недовольно протянул Копша и туго вздохнув, повернувшись ко ребятишкам, поправил на голове колпак, малешенько сместив его на бок и тем, живописав на ней жалкую поросль золотых куделек, и то в основном на лбу. Лицо духа, узенькое такое с костлявым тонким вертлявым носиком, выступающими скулами, выглядело очень морщинистым, ровно он был старичок, а удивительные ярко-красные глаза, почитай, что без белка и зрачка, сочетались цветом с пышными усами и длинной до пояса густоющей бородой. Копша хоть и принадлежал к роду духов, образом своим все-таки походил на людей, абы и тельце его худенькое, и тощие ручки, ножки имели внешний вид человеческих, он и разнился с людьми так, только цветом кожи, каковая была не менее морщинистой, чем лицо и землистого оттенка.

А мгновение погодя чудной осинový пенек, со щепой и бузиновыми веточками наверху, махом ожил, да вскочив на свои коренья-ноги (онье он не выдергивал из земли, а словно дотоль сидел на них) гулко закричал голосом Бешавы:

– Подымайся Багрец, будет тебе дохлятиной придуливаться! – да в един миг блеснул черными крапинками глаз, расположенных не только на самой щепе, но и на стволе пенька.

Глава седьмая. Истинное имя кома да сынки Святобора

– Ты чё ж тумкаешь я вспужался Доброхочего? – уже в который раз произнес Багрец, оборачиваясь и стараясь сквозь Орея, Копшу и Алёнку, шагающих вослед него, разглядеть своего собрата.

Обаче как и досель, Бешаве не удалось откликнуться, оно как ступающий, впереди девчушки, Копша, прижимающий к груди кринку, тягостно простонал:

– Бедноватый я! Горемычный да сирый! Ноженьки усе себе до дырья сшибу, поелику онучи запоматовал наволочить, и подковушки золотые, колготой сбереженные у стёженьке об землю истончатся. Растеряется по толичкам золотце и ни шиша мене не вертается.

– Копша, а чё такое золото? То разве не мудреный яркий цвет, каковой шибче желтого горит, иначе слабее алого? – спросила у духа Алёнка, зыряя не стокмо на его златые подошвы сапог, сколько оглядывая лесные дали.

– Золото?! – повторил дух берегающий клады и противно так засмеялся (вроде хи... хи... хи) будто девонька чего-то глупое ляпнула.

Странники ужоль давно покинули перелесок, где познакомились с Гаюном и Доброхочим, да прихватив с собой Копшу и кувшинчик (каковой стал днесь его частью), направились послед клубочка, маханького такого, будто из желтой шерстяной нити скрученного да яркими огнистыми зернятками украшенного, в лучах поднявшегося на небосвод и наново ставшего желто-красным солнышка дивно переливающегося. Давно вышли с лиственничника, миновали березняк и осинник, где под пологом стройных светолюбивых деревьев поднималась поросль елей да сосен, в мале жажда вытеснить белоствольных и светло-зелёных тех красавиц, и вступили в дубовый лес.

Здесь земля вроде как потеряла положенную ею ровность и изогнулась неглубокими балками, внутри которых было сухо и привольно травам, поелику сами могучие дубы, чьи стволы не удалось бы обнять зараз (да и их спутники клены да липы) росли по окоему тех ложбин. В дубравах не редкостью и вельми густо вставали малинники, порой смотрящиеся плотными стенами, покрытые доколь зеленой ягодой. А выползающая из оврагов ожина, опять же качающая зекростью костянки, собственными побегамы переплетала павшие стволы деревьев, низкий кустарник да огромные валуны (обряженные в серо-зеленый мхи). И мелькали то там, то сям по просекам и опушкам укрытые травами, земляничные кустики. Пение пеночек и зябликов, то сип... сип... сип, то тую... тую... тую, наполняло этот край такой мягкостью и теплотой, что детишки забывали о случившемся и казалось им тогда, и не было никады лютого Скипер-зверя и ступают они ни в иные, небывалые дали к бабе Яге, а к себе в деревеньку притулившуюся обок широкой с темно-зелеными водами реченьки.

– Ты чаво Копша над Алёнкой потешаешься, вже сей миг я тебе затычин наставлю, – возмущенно молвил Бешава, ощутив в хихиканье духа подтрунивание над девонюшкой, и враз взмахнул обеими ручками да потряс плотно сжатыми кулачками, точно пужая ими размашистые кроны дубов.

– И млеко упрятанное припомним, – дополнил не менее огорченно Багрец, вельми произошедшему по его недосмотру обману сопереживая.

– Дык, я не-а!.. Никак не потешаюсь, – торопливо отозвался Копша, и предусмотрительно сдержал шаг, став ближе к отроковице и подальше от резво оглянувшегося и весьма недовольного Орея, ступающего поперед него. – Яснее ясного дивлюсь чё Алёнушка не ведывает о золоте, – дюже умиленно добавил дух берегающий клады, очевидно, желая растрогать девоньку и найти в ней защитника в столь дальнем пути.

– А, ты, сам то ведаешь чё эвонто самое золото значит? – спросил Багрец, и, остановившись, резко повернулся, таким побытом, сдержав ход всех путников шагающих послед него. Посему и мальчонка замерев, повертался да не менее грозно глянул на духа сберегающего клады. Днесь не только Орей уткнул свои кулаки в бока, малость даже поджав позвякивающие бубенцы, но и оба колтка уперли кулачки в свой стан, тем они подперли вторые лица, сообразив на них сердитость.

Копша, как и все идущие застыл, и благоразумно притулился к Алёнке, прижав к груди кринку. Он даже поднял вверх правую руку, да ухватился за поясок девчужки перстами, точно желая, в единый миг взобраться на нее. А так как он едва доставал девоньки до стана таковая увертка от затычин, непременно, ему бы удалась, обаче спервоначалу он заговорил, но не очень уверенно:

– Ну, як чё значица золото. Яснее ясного энтэ обильность, кою носят на себе людишки, облекая в цепи, серьги, перстни и ужоль вельми сим кичатся.

– Кичатся, – гневливо протянул Багрец, и, качнув головой, созвучно стоном откликнулся перекатившимися бузиновыми ягодками легкому ветерку, тронувшему ближайшии ветви дуба, обок которого стоял. – Тем золотом и обилием не славяне гордятся, а чуждые народы, те кои в Яви ноньмо не живут, те, каковыи древле туто-ва обитали. А Алёнушка и Орюшка, вышедшии из славянского роду, як и их предки об том излишестве поколь не ведают. Да пушай тык дольше и будет. И тады Явь лепотой сиять не перестанет и сами люди светом ее озарять не едино лето смогут. Ты, вроде дух, должен то знать-понимать.

– Должон, – чуть слышно протянул Копша, и, вскинув голову, посмотрел на девонюшку. Его и без того морщинистое личико и вовсе покособилось, став похожим на гриб пырховка, каковой потемнев да осев к землице, открыв щелку, выпустил из себя пылевидные семена. И таким он стал жалким, тронув сердечко Алёнки, что, прям, бери и ложи его в люльку, качати. Посему девонька не удержалась, да сняв с головы духа сберегающего клады круглый колпак, ласково огладила его лысую лощеную с жалкой порослью златых куделек волос на лбу голову. Вызвав улыбку на лице братца и погасив всякое ворчание колтков. Вже потому они сменив гнев на милость, созвучно выдохнули (дюже громко, на вроде бр... р...р). И тотчас Багрец, да Орюшка развернулись и тронулись в путь в след дотоль легошенько подсигивающего на месте клубочка, изредка прижимающего к оземю тонкие островерхие травинки, а порой скачущего прям по кустикам, листочка, али малым камушкам. Копша еще немножечко предусмотрительно держался за поясок девчуги, а кады она водрузила на его голову колпак, повертавшись, направился следом за колтком и мальцом, вместе с тем продолжая держать малый промежуток меж ними и собой.

А поперед их ходу нежданно-негаданно, или все-таки ожидаемо (абы тут вся земля была неровной) появилась широкая балка через оную перекинулся вроде мостка огромный ствол дерева, кореньями своими корявыми дорогу преграждающий. Казалось то дерево всего только давеча рухнуло, сломленное чьей силой, понеже и на самих корнях, как и на корешках, и мелких мочках все еще висели комья почвы. А могутная крона, впившись в противоположный край оврага, смотрелась зеленой, да легошенько помахивающей листвою. Клубочек недолго думая вспрыгнул на корешок того дуба, мощного и почитай, что черного, крепко держащегося своим концом об землюшку, и, задорно так попрыгивая туды-сюды, покотился по нему к стволу, тем самым направляя спутников на иную сторону балки.

И Багрец, не мешкая, направился по следу клубочка, дюже резво для своих корявых ног, в единождыи скок, запрыгнув на сам корень, считай на его середку. Орей, однако, помедлил, поелику не смог таким прыг-скоком достигнуть корня, лишь ступив на его поверхность одной ноженькой, туго вздохнувши, спросил:

– Так-таки, не разгадали мы величание медведя, як же попадем в иные места, небывалые дали? – скорей всего, не столько о той головоломке переживая, сколько пугаясь идти

дальше. Оно и ясно почему мальчоня того страшился, ведь по другую сторону балки к которой вел ствол дуба высились темные деревья сосен. Высокие и плотно стоящие деревья с опущенными ветвями и темно-зеленой, прямо с синеватым отливом, хвоей смотрелись непроходимыми чащобами, где редкостью летает птица али хаживает зверь, лишь похрустывая ветвями на вершинах перекрикиваются черные вороны, своим кро... кро отпугивая неразумных пришлых. И глубокая та овражина расходясь в разные стороны, кажись, не имела конца и края, протягиваясь с одной стороны на другую, разграничивая один мир от другого.

Алёнка (услышав волнение в словах братца) торопливо обошла остановившегося поперед нее Копшу, прижимающего к груди глиняный кувшин, и, замерев обок Орея, приобняла его за стан, да прижав к себе, и впрямь нонче, как старшая, успокоительно молвила:

– Тык ты же вельми горазд загадки разгадывать, братец. Ты помысли, а мы тебе усе вместе пособим.

– Пособите? – спросил отрок, и, развернув голову, глянул прямо в голубые очи сестрицы, как и положено родне поддерживающей при любом обстоятельстве, в любой радости или беде.

– Пособим братец, – кивнув, отозвалась девонюшка и поцеловала мальчика в щечку, так нежно и мягко, как то завсегда делала бабушка Обрада, намереваясь успокоить и придать уверенности. – Помнишь, дедушка Гаюн говаривал, чё в величание зверя имеется название егойного жилища. А як жилище кома у нас величают? – дополнила спрашиванием свою реченьку сестрицу, дюже разумно о том толкуя.

– Берлога, – не задумываясь, отозвался Орюшка, пожалуй, он тем давно свою голову трудил.

– Ты же ведаешь братец, чё язык наш славянский, раздольный и певучий, – протянула Алёнка, все поглядывая в серые глаза мальчугашки, тем словно передавая знания каковые впитала в себя лучше, чем он. – И отдельная мольвь, кою мы сказываем, изначально впитала в себя два, а то и три понятия. Чай, и с энтим истинным величанием ведмедя также було.

– Эдак, Алёнушка, – протянул малец, да вздев руку, принялся дланью тереть лоб и поверхность берестяного очелья, так предаваясь раздумью. – В названии берлоги может и есть два понятия, одно из коих величание ломыги?

Девонька враз улыбнулась, озарив тем светом все свое личико, выгнав на щечки румянца, да торопливо кивнула, давая братцу время ту странную головоломку раскрыть. И днесь замерли не только клубочек и Багрец на стволе древа, но и Копша, Бешава все поколь на земле-матушке стоящие обок ребятушек. Лишь продолжал жить могучий лес раскинувший округ того места, и в нем чередом своим пели птицы, рычали звери, гудели несекомые и широкий небосвод, голубизной поблескивающий, медлительно тянул по своему гладкому полотну яркое медовое солнышко.

А Орюшка меж тем головушкой задумчиво качал да кожицу, бело-розовую, на лбу поглаживал перстами тонкими да длинными. Он и ниточки белесых, изогнутых бровей кверху вскидывал и часто-часто ковыльными ресничками помахивал, так головушку напрягая думками, головоломку ту путанную стараясь разгадать.

– И чё, долзе мы дык исторочь стоять туто-ва будем? – нарушая отишье, наступившее на краю оврага, спросил Копша и вроде каркнул, один-в-один, как ворон, кор... кор.

– Тык ведь Орюшка, пытается разгадать имя кома, – недовольно дыхнула в сторону стоящего позади духа Алёнка, и разком сняв со стана братца (дотоль его обнимающую) руку, развернулась, жаждая и взором своим строгим призвать огольца к тишине.

– А чё туто-ва кумекать и дык яснее ясного, – резво затараторил Копша, будто упреждая негодование взгляда девоньки. – Чё истинное величание ведмедя – бер. Сие вестимо из толкования егойного жилища. Поелику берлога, значица логово бера.

Дух берегающий клады закончил реченьку и ершисто вздыбил свои худенькие, костистые плечики, словно поражаясь таковой глупости своих путников.

– Ты сам разгадал, аль до еного ведал имя кома? – обидчиво спросил Орей, разворачиваясь и пушая гневный взгляд на Копшу, и тем явно проявляя собственную разумность.

– Яснее ясного чё ведал, могли б о том ранче спросать, и главу не понадобилось трудить, – отозвался дух, да скривив на бок костлявый тонкий нос, кажется, распрямил на лице некие морщинки, вроде помолодев, и, одновременно, самую толику загородился кувшином, приподняв его кверху.

– Вот ты, трясь какая-то! – резко выдохнул мальчонка, и торопливо дернувшись вперед, ступил днесь и второй ногой на корень дуба, да тяжело вышагивая по его поверхности подошвами порабощенной, направился к стоящему Багрецу, определенно, собственным уходом избегая того, чтобы надавать затычин Копше.

Алёнка глянула на духа берегающего клады осуждающе и опять же с упреком качнула головой, да поспешая за братцем, как и он дотоль, ступила на древовидный корень своим концом поколь держащимся за оземь. Девчурочка одначе не собиралась молчать, желая выговорить как Орею за грубость, так и Копше за ёрничанье (ноне благоразумно, впрочем, как и Бешава направившимся следом за ней). Она для того даже отворила рот, поширше, дабы ее, непременно, услышали, но тут внезапно послышалось раскатисто-звонкое щелканье, словно ктой-то совсем близехонько топором о деревце ударил. Тарахнул и, на-тка, затих... А после принялся стучать оглушительно и постоянно, ровно намереваясь срубить деревце.

– Эвонто кто? Нешто человеце? – все же выдохнула из себя Алёнушка, хотя и не то, что намеревалась, да преодолев сам корень, сдержала шаг на стволе дуба, таковом широком, будто зараз то четыре аль пять мостков вместе сложили.

– Каков, таков человеце, – взбудоражено отозвался Копша и, прямо-таки, подтолкнул девчурочку в сраку (абы выше не доставал) горлышком кринки, понуждая идти. – Отнюдуже тут-ва человеце взяться, то гай дремучий, стародавний. Сие, яснее ясного, сынок Святобора потешается, жаждет усяких премудрых девонюшек и мальчонь позывать да в топкой маре утопить.

– В эвонтих далях болот таки да нет, – протянул Бешава, обаче сам шагу прибавил, точнее единым прыжком достиг духа берегающего клады и поравнялся с ним, более не желая ступать последним.

– Ну-кася, значица в сей яруге утопит. Небось, чуешь, аки по ней водица плещется? – дополнил Копша и горлышком кувшина сдвинул на бок колпак, оголив свою и без того лысую головенку, блеснув ее лощеной землистостью так, что оглянувшаяся Алёнка (продолжающая шагать) подумала, больна она (ну, та самая голова духа) схожа с репой, кою так любили кушать славяне в вареном, пареном и даже сыром виде.

А по дну лога и впрямь бежала реченька, не вельми широкая, она, впрочем, хоронилась в густоте вставшего порослью леса, в основном из дуба и клена, словно там нарочно возвращенных. И деревья с чахлой кроной совсем чуточку помахивающие зеленой листвой и тонкими ветвями смыкали само дно, где лишь изредка просматривалась голубизна водицы текущей по каменному узою. Высота оврага была больно пугающей и то ладно, что путники шли посерединке ствола почитай лишеного веток, они, если где еще и имелись так выступали недлинной щеглой, образуя сучковатые подпорки, оные приходилось обходить. А стук тем временем то усиливался, то также махом стихал, точно откликался на испуг детишек, не редкостью оборачивающихся и обозревающих оставшийся позади дубравник, светлый и такой звонкий, наполненный трелями птиц и созвучным им ревом зверей.

Таким неторопливым ходом путники преодолели почти половину ствола кады поперед них, будто придержав бег маханького клубочка (из желтой шерстяной нити скрученного да яркими огнистыми зернятками украшенного) внезапно появился человек. Дюже высокого

росту, с широкими плечами да могучим станом, чье лицо закрывали долгие пряди кудрявых, зеленых волос. Человек был обряжен в полотняные штаны, длинную белую рубаху до пят, украшенную вышитыми узорами по вороту, рукавам и подолу. Стан его крепко-накрепко охватывал узкий плетеный (из бело-красно-черных нитей) пояс, на который были подвешены несколько бубенчиков. Так, что глядя на него, казалось, то одеяние он снял с Орюшки. Человек неожиданно раскатисто да громко вскрикнул. И стремительно вскинул вверх обе руки, в которых блеснул в лучах солнышка, миновавшего половину небосвода, серебристым железком, топор. Теперь он резко обрушил удар на лежащий поперек яруги ствол дуба, врезавшись самым заточенным с двух сторон лезвием топора в поверхность коры, рассекая ее на части, и тем ощутимо всколыхнув как само дерево, так и ступающих по нему странников.

– А...а! – громко возопили ребяташки и колтки, испугавшись, что странный человек днесь разрубит дерево напополам и они упадут в такой глубокий обрыв. Понеже они немедленно остановились и сбились в единую кучу, оставив отдельно стоять только Копшу, каковой шибко потеряв краем горлышка кринки собственный лоб и тем, всколыхнув на нем жалкую поросье златых куделек, гулко, для такой невелички, крикнул:

– И не зазорно тебе чудить! Чад малешеньких пужать, стращать? Чай, с виду ты приличный, а таковое диешь...

Человек уже сызнава занесший кверху топор, сразу остановил его движение и чуточку качнулся туды-сюды, вроде намереваясь обрушить новый удар не по стволу, а по замершему в шаге от него клубочку, изредка и самую малость подпрыгивающему на месте.

– А...а! – снова возопили детишки и колтки, так-таки, прижавшись, друг к другу, обхватив ручонками не только станы один другого, но и ноги, то получается, как кто доставал.

– Не верещите, сие Свида, сынок Святобора, чай приличный таковой с виду, – негромко молвил Копша в направление путников, да вскинул ввысь кринку и яростно ею потряс, призывая к вниманию сына бога. – Тобе ж яснее ясного язычу, а, ну-кась, сворачивай эвонту безобразицу, а то чё доброго завладею втай твоим топорюгой. И будяшь ты толды хаживать по гаю искивать его, то туто-ва, то тамоди. А я ужоль коли упрячу дык далеконько, и, будя он вертаться с под озми в кладенный ему срок. Изо дня в день и дык ежедень, доколь ктой его не найдёты. – Дух сберегающий клады медленно опустил вниз кувшин, прижав его к груди, и самую толику скосив свои красные очи в сторону Алёнки и Орея крепко обнявшихся, да колтков к их ногам прижавшихся, чуть слышно дополнил, – а найтить некому покамест. Понеже дух кый будять людям клады отворять ащё не народился, – и тишком засмеялся, малость подергивая златыми кудерьками волос примостившихся на лбу.

И в то же мгновение Свида созвучно Копше захихикал, вельми так проказливо. Да махом перестав покачиваться, срыву повернув голову, глянул на детишек, небось, намереваясь их напугать.

Одначе не тут-то было. Поелику вместо испуга вызвал удивление.

Абы кады легкий ветерок разбросал в стороны его кудреватые зеленые волосы на братца да сестрицу, Багреца, Бешаву и Копшу зыркнул мальчонка, не больно разнящийся по возрасту с ребяташками. Его нежная с легким зеленым отливом кожа лица совсем немного искрилась голубыми крапинками, а темно-синие, крупные очи излучали радость, как и кривились в улыбке мясистые, красные губы. И ежели бы не высокий рост сынка Святобора могло подуматься, то просто соседский мальчугашка потешается над путниками, стараясь застращать. Неторопливо опустил топор вниз, и оставив его лишь в левой руке, Свида медленно завел орудие за спину, и обидчиво выпятив мясистые губы вперед, глухим голосом молвил:

– Убирайтесь отсель, а то погублю во речушечке.

И тотчас позади странников шибко раскатисто и громко стукнуло о дерево железко топора, вызвав ощутимое дрожание само ствола и опирающихся на него ног, не только детей, но и духов. И все странники, не мешкая, обернулись да зараз онемели, ибо увидели стоящего

на стволе дуба крупного оленя. Стройное тело, которого покрытое рыжим мехом с иссера-серебристыми отметинами, опиралось на тонкие, изящные конечности, а на удлиненной шее восседала вытянутая голова, увенчанная разветвленными золатыми рогами. Глаза еленя, как еще величали славяне это красивое животное, ярко-желтого цвета самую толику поблескивали, словно наполнялись слезами. Олень поднял вверх правую ногу, блеснув в солнечном свете золотой широкой подковой, разделенной на две половинки, и резко опустив ее на ствол, издал тот самый слышимый ранее удар топора. Днесь враз подхваченный с разных сторон и точно отразившийся оттого который неожиданно раздался позади странников.

– Охохонюшки! Туросик, давнёшенько вожделел тебе узреть, – довольно отозвался Копша и, прямо-таки, затряс кувшинчиком, точно он стал его родименький обжигать. – Золотом да серебром и впрямь дык пыхтит, а як оно баженое лоснится. Во-во нонича мы сие обилие умыкнем да ухороним, – вельми радостно проронил дух берегающий клады, и, сорвавшись с места, размахивая туды-сюды кувшином, торопливо побежал в сторону еленя.

Копше, впрочем, не удалось золото да серебро стащить. Ибо Туросик внезапно качнул головой да, будто разрезав надвое воздух разветвленными рогами, тем рывком пустил в сторону бегущего духа волнообразное колыхание золотой полосы света. Воздушная волна, вельми быстро достигнув бегущего Копшу, ударив его в грудь (точнее в кринку), рывком сбила с ног, а поднятые ею с поверхности ствола кусочки почвы, пылинки, опавшей листвы и махих сучков обдали тем опадом лица колтков и ребятушек. Посему как первый, так и вторые торопливо сомкнули очи, и сразу забухали, стараясь кашлем выплюнуть все попавшее в рот.

– Охти-мнешеньки, – постанывая, протянул дух берегающий клады и первым отворил глаза, глянув на растянутую над ним лазурь небес и неспешно катящееся по нему красно солнышко. Покоясь плашмя на спине Копша, перво-наперво, огладил прижатый к груди кувшин, каковой не тока спас от болезненного удара, но и теперь выступал как поверенный меж ним и детками в исполнении возложенного Доброхочим, посему и полагался быть береженным.

Орей проморгавшись вторым (опосля Копши) прежде взглянул то на место, где находился Туросик, лишь посем отметив, что более не слышно стука топора не впереди, ни позади, ни с боков. И довольно вздохнул, оно как тяперича не наблюдалось и самих сынков Святобора, ни в виде оленя со золатыми рогами, ни Свида с лицом отрока.

– Убрались, – молвил мальчоня, расплетая руки и выпуская из объятий сестрицу, да легонько оттолкнув от себя Бешаву, принялся смахивать с рубахи опад поднятый Туросиком.

– Не убрались, а улызнули, вспужавшись мене, – медленно подымаясь со ствола дуба и восседая, пояснил Копша, да вскинув руку, нащупав на голове красный колпак, надвинул его себе на лоб, скрыв под ним кудельки золотых волос.

– Ни тебя они вспужались, а твоей ненасытности, – поправил духа Багрец, и теперь принялся смахивать листочки да капель почвы с Алёнкиного подола, к которому дотоль ляпился сам.

– Усё единь чё вспужались, ненасытности али мудрености, значимо, чё не погубили у реченьке, – отозвался Копша, и, поднявшись на ноги, оглядел себя со всех сторон. Пройдясь беспокойным взглядом по материи синего кафтана, пересчитывая все пуговицы на нем, обзревая золотой пояс, красные сапожки и особлива желтовато-блестящие подковы по всему окоему подошвы проложенные.

– Блага дарим тебя Копша за избавление от напасти, – добродушно сказала Алёнушка, смахивая пылевидную морось с лица, и нежно улыбнулась такому умному духу.

– Дык чё ж, засегда горазд пособить, – откликнулся дух берегающий клады и, так-таки, приосанился да повернувшись, бросил горделивый взор на колтков, видать, будучи дюже собой довольным.

Глава восьмая. Чрез берлогу в межмирье

Сынки Святобора более не появлялись ни на стволе дуба, пролегшего мостком чрез овраг, ни в иных местах, как и не слышалось больше перестука топоров аль копыт, вероятно, они и впрямь не желали встречи с Копшей, утащенное которым никогда не возвращалось владелью. Посему спутники благополучно прошли по дереву и остановились ужо на ином берегу балки, разглядев поперед себя дремучий лес, где растущие с корявыми стволами, высоченные сосны кронами плотно смыкали небеса не пуская вглубь бора и малого света. Отчего внутри лесной дали стоял полумрак и витал разрозненный сизый пар, вроде только сейчас поднявшийся от каменки в бане. Саму землю тут, насколько позволял взор, испещряли поваленные деревьями с вывороченными корнями, обвитые синими мхами валуны и частый валежник. Ни наблюдалось под соснами кустов, травы, али малой поросли, лишь плотные слои бурой хвои укрывали свободные клочки почвы, пучась там, в виде взгорков, будто наметанных туда. И казалось, тот бор возник ни от ветролома, а вроде как от давешнего пожара, оный сгубил деревья на корню и с тем даровал возможность взрасти младым в единый вздох. В лесу не слышалось пения птиц и окриков зверья, и даже дотоль многочисленные несекомые, то пищашие, то жужашие здесь примолкли, токмо изредка и вельми скоро пролетали мимо. А в вершинах деревьев редкостью слышалось кро... кро выкрикиваемое черными воронами.

Клубочек, лишь коснувшись землицы, сорвался вперед, пропав за мощным стволом сосны, чья тускло-красная с глубокими трещинами кора, смотрелась весьма облупившейся, особенно в нижней части. И тотчас Орей, словно он ноне стал старшим, а может только ощутил себя мужем, шагнул вперед да обойдя стоявшего Багреца, прыгнув с дерева вниз, направился в след клубочка, на ходу молвив:

– Будя стоймя стоять, надобно ийти, поелику ужоль вечерееет.

И впрямь, мальчонка правильно заприметил, что по иную сторону балки, красно солнышко, миновав половину небосклона, клонилось к небозему, с тем принося в Явь вечер, а значит и ночь. Посему за отроком, проявившем смелость, немедля ступили Багрец, Алёнка, Копша и Бешава, намереваясь также как и он, не пущать в душу, аль то, что её заменяло, слабину.

А лес с каждым шагом становился все мрачней и мрачней, и лучи солнышка, ежели и пробивались сквозь высоко поднятую, дюже размашистую, крону моментально превращались в сине-серую дымку, словно курящуюся возле отвесно развернувшихся ветвей. Под ногами плотный бурелом мешал ступать, посему (точно разумно думающий) клубочек зачастую бежал по стволам. И благо, что дети, как и духи, были маленькими, поелику не могли продавить те давно прогнившие внутренности, кои от каждого шага ворчливо трещали, не редкостью снимаясь целыми пластами аль крошась в мелкую труху подошвами порабошней да сапожек.

Неожиданно, где-то в вершине сосны хрипло закаркали вороны, их будто шуршащие о воздух крылья наполнили стопами пространство под деревьями и вызвали скрип в ушах не только ребятушек, но и духов. Потому им в ответ не менее звонко отозвался, своим кор... кор, Копша, приглушив неприятное скрежетание слуха так, что Алёнка и Орей порадовались, что дедушка Доброхочий пристроил к ним вельми такого разумного духа.

– Просто-напросто Копша давнёшенько в Яви бытует, много долзе чем мы колтки, – пояснил, точно приняв на себя мысли ребятишек Багрец и тягостно передернул обоими ртами (на голове и на животе), да качнул своей круглой головой сверху густо увенчанной веточками бузины, где теребились от движения не только зеленые листочки, но и перекатывались черные ягодки, подыграв их звуком соударяющимся на пояске Орея бубенчикам.

– А бабушка Обрада говаривала, чё духи задолго людей в Яви родились, – тихонечко протянула Алёнка, как и ейный братец дивясь услышанному, да поглядывая на идущего позади нее чудного Копшу.

– В Яви духи не рождались, они сюдыка прибыли, кажный в свой срок, – отозвался Багрец ни на шаг, не отставая от ступающего поперед него отрока. – Токмо Копша явился ащё при первых людях, то мы колтки сверстники славян. Обаче будут иные времена и иные духи, кои придут в свой срок с юными богами и тем даруют вашему племени новые свычаи. Чай, ты слыхала Алёнушка як в прежний раз, гутарил Копша про духа, оный будят пособлять людям отворять все клады, кои дотоль были схоронены, – завершил реченьку старший колток, толкуя о том не абы спросить, а всего-навсего изъяснить.

А глухие, непроходимые чащи вокруг по мере хода странников, вроде как легошенько менялись. Не то, чтобы сосны стали расти разобщенной, али тянуться кверху меньше, просто порой на их стволах была содраны кора, являя беловатую поверхность, а на валунах отсутствовал мох, словно ктой-то нарочно по ним прошелся, сняв верхний слой. Клубочек, в сумраке бора поблескивающий огнистыми зернятками света, неожиданно вельми резво скакнул выспры и вперед, да сойдя со ствола (по которому досель бежал), приземлился на округлый покрытый опавшей листвой бугорок. Больно так возвышающийся над остальной поверхностью землицы-матушки, и вроде прижатый с обеих сторон мощными поваленными стволами сосен.

Огромное устье в боковой стене бугорка было прикрыто сломанными ветвями, корягами и валежником, смыкая сам наклонно-отвесный лаз в берлогу кома. Клубочек всего толику времени скакал по крыше берлоги, а посем скользнув посреде ветвей, юркнул вглубь лаза, пропав с глаз долой, обаче не перестав блистать зернятками огня, ровно зазывая внутрь.

И ведомый тем светом Орей, пожалуй, чуточку вкусив мужества, смелости, разком прыгнул со ствола дерева, и, не дожидаясь спутников, широким шагом направился к прикрывшему ветвями устью. Ухватив лапки и раскидав их в стороны, мальчоня ступил обеими ногами на приваленный к входу камень и заглянул внутрь берлоги. Узрев пред собой огромную закуту, имеющую в потолке небольшие отдушины (вроде узких отверстий через которые проникал рассеянный свет), где сами стены, густо оплетенные кореньями, являли плетеную материю, а дно было выстлано сухой травой, мхом и даже трухлявой древесиной. Отрок и туто-ва не стал дожидаться странников, да последовав за клубочком, одиноко поблескивающим посреде берлоги, опустившись на карачки, вполз через устье вглубь оной, громко крикнув:

– Истинное величание кома – бер!

Да прислушался...

Тем временем Алёнка прыгнув со ствола дерева к уже стоявшему на оземе Багряцу, торопливо ступила вперед, и, склонившись к устью берлоги, чуть слышно спросила:

– Ну, чаво? – единожды поражаясь смелости своего братца.

И тот же миг, будто дожидаясь вопроса девчур, пол под руками Орея внутри берлоги ощутимо вздрогнул, и заколебались тонкие корневища, ответвления на стенах закуты, будто ожившие, каковые принялись распутываться и расползаться в стороны.

– Бер, истинное величание ломыги, – дополнил негромко малец всего-навсего для верности, а земляца пред ним в стене неожиданно и вовсе лопнув, пролегла малыми трещинками. Еще немножечко и разрывы протянулись явственней, а после стали расходиться в стороны, точно откатываясь, вжимаясь в соседние стены, ссылая вниз крупинчатую почву и наполняя саму берлогу ароматом вскопанной по осени сырой земли. Вместе с тем живописуя округлый лаз, сквозь каковой всего и могло, что проползти. Проход еще толком не сумел разойтись, как больно тревожащийся клубочек юркнул в ту черную дыру принявшись освещать ее изнутри, вроде скидывая огнистые зернятки на дно и прокладывая ими путь. Орей обернулся, и, узрев стоявших возле устья берлоги сестрицу да духов, негромко дополнил:

– Ступайте во след, – да тотчас на карачках полез в лаз, слышимо постанывая и кряхтя, будто старичок.

А кругом берлоги суровый, непроходимый бор наполнялся тьмой и сгушал сизые клубистые пары, кои тяперича спускало вниз не солнышко (закатившееся за оком Яви), и даже не иссера-серебристая луна, а, кажись, сами деревья. И Алёнка, вскинув вверх голову да глянув в плотные черные небеса (пригасившие сияние звезд), ощутимо вздрогнула, пугаясь таковой мглы, посему опережая старшего колтка, первой юркнула в лаз, и, опустившись на карачки, поползла в след братца.

Ветвистый, опутанный корневищами проход по мере того как в него углублялись странники легошенько вздрагивал при каждом их движении, сыпая на головы людей и духов пылевидную оземь. Не редкостью он преграждал путь Орею тончайшей сетью стянутых между собой корневищ и выпирающих из стен изогнутых коряг, да ощутимо дышал на путников кисло-травянистым ароматом, словно взошедших давеча на черноземе злаков. Непременно, в том ветвистом проходе, чей пол выстилала зернистая переминающаяся под руками почва, можно было бы заплутать. Понеже не раз пред Ореем появлялись новые ходы, более светлые и широкие. Однако мальчугашка настойчиво лез за поблескивающим клубочком, наталкиваясь дланями рук на скинутые им огнистые махоточки, каковые подобно искоркам не то, чтобы освещали, всего-навсего оттеняли проход. Клубочек, впрочем, и сам ни всегда торопился. Порой, особлива на изогнутых поворотах да свилках, поджидал отрока и ползущих следом странников, абы они не ошиблись.

Все кроме клубочка продвигались постанывая, и, покряхтывая, когда натыкались на торчащие коренья, да всяк миг сплевывали приставшие крупинки земляшки к устам. Одначе громче всех стонал Копша, он лез позадь Алёнки, и, прижимая одной рукой к груди кувшин, перемещался на трех конечностях, иноредь подсигивая вверх и тогда дюже гулко бранился:

– От туды тебя в марь. Ужоль всунулся, дык всунулся. И вскую мене энто млеко клятое понадобилось. Могти нонича лежма лежать идей-то под кустовьем, золото да серебро перекидывать. Дык нетути ползу тяперича невесть куды, незнамо пошто, охти-мнешеньки.

– Может ты смолкнешь напоследях, – гневливо отозвался Бешава, и, догнав Копшу тукнулся головой и веточками бузины (восседающей на ее макушке) в егойный зад, не то, чтобы огладив ими материю кафтана, а яростно стегнув. Посему дух сберегающий клады горестно вскрикнул и смолк, обаче не перестав стонать и кряхтеть.

Так вот они и продвигались...

Не шли, а ползли, по земляному проходу, каковой поначалу ровно пролегал, а немного погодя принялся клониться все вниз да вниз, словно кудый-то спускаясь. Кудый-то в иные места, небывалые дали, где, может статься, и ни живут люди, ни летают птицы, ни обитают звери, а ходят какие другие существа.

Может статься так, а может и не так.

О том яснее ясного сказ и будет сказываться.

Прошло достаточно времени с начала того спуска вниз, как впереди клубочка внезапно ярко блеснул дневной свет. Впрочем, не желтоватый, который привыкли наблюдать ребяташки и духи, а, прямо-таки, белесый, точно поднятый туманными испарениями. Те густые пары днесь принялись наполнять и сам лаз, особенно густо собираясь поверху его, и там хватаясь отдельными лохмотками за оземь. Они касались ползущих странников, сыпая им на волосы мельчайшую мгу, оседали на их спины, увлажняя материю одежды. От этого чада стало тягостно дышать, а Алёнушка и вовсе принялась кашлять, почасти останавливаясь, покачивая головой и с тем вроде отгоняя от себя тягучие испарения. Туман вспять того лишь сильнее покрывал голову девчурочки россыпью капель, дивно так не скатывающихся вниз, а замерши вздрагивающих в ее ковыльных власах.

Еще не более малости движения по проходу и Орей первым увидел, как из широкого лаза выпрыгнул наружу клубочек, а засим и сам он сумел высунуть из устья голову, узрев поперед себя раздолье зелено-голубой оземи. Малец одначе не стал медлить, и, покинув лаз, поднялся на ноги, принявшись отряхивать вымазанную в земле рубаху да полотняные штаны, смахивая с лица пыль и поджидая своих спутников. А послед него из дыры, каковая в этом миру тоже располагалась в округлом бугорке, густо заросшим невысокой зеленой травушкой, льнущей к землюшке, в свой черед появились Алёнушка, Копша, Бешава и Багрец, опять же начавшие наводить на себе чистоту.

А кругом них, как, оказалось, лежала неоглядная даль болот. И сторона эта, то являла вогнутость, в которой рябила синяя водица, то вспять тарашилась кверху большущими подушками земли, покрытой зелеными, бурыми, серо-розовыми и даже белыми плотными комами мха. Посередь мхов только редкостью можно было увидеть белые колоски злаков, кожистые листья кустарника или низкорослые с искривленными стволами и опущенными вниз веточками сосны да березы. И земляца-матушка промеж тех глубоких окон, будто целостных озер, казалась лишь островками, узкими да длинными, прокинутыми поверх водицы, чьи берега лежали вровень с ней. Над водьями курились бело-серые загустевшие пары, медлительно падающиеся на отдельные слои, а посем опять же вяло перемешивающиеся друг с другом. Лишь позадь бугорка, из которого выбрались странники, наблюдалось меньше водяных окон, кои на стыке с небом замещались густой растительностью, видно, переходя там, в приволье луга.

Чудным в сей стороне смотрелся и сам серо-голубой небесный купол, на котором не наблюдалось красна солнышка. Может потому как солнышко ужо и тут закатилось за край земли, а может потому, как его закрыла серость облаков (схожих с рябью воды в озерах) самую толику потревоженных ветром.

Легкий ветерок здесь покачивал не только облака, воду, но и волосы ребятишек, и бубенцы на их поясках так, что они призывно начали звякать, сообщая, где находятся их обладатели. В этом краю было вельми тихо. И не то, чтобы здесь не имелось звуков, просто они слышались приглушенными аль далекими, особлива выделяясь пыханием над водьями пара, да заливистым писком комарья, во множестве тут прибывающего. Изредка, впрочем, проносились по болотам чудные, постанывающие оханья да щелканья, схожие со звонким хлопаньем в ладоши.

– От тебе и марь, накаркал, тык сказать, – намеренно громко молвил Бешава, утирая губы от грязи на втором лице, и сердито глянул на стоящего подле Копшу, который от расстройства, что запачкал свой синий кафтан, озабоченно покачивал головой.

– То не марь, нешто не видишь, – вспять чуть слышно проронил Багрец и всплеснул руками, таким движением, обращая внимания собрата на знакомое лишь им двоим. – Энто межмирье.

– Дык кый межмирье, марь она и ёсть марь, – не скрывая своего недовольства от испачканного кафтана, колпака и сапог, дыхнул Копша, и, пристроив сбоку на земляце кринку, разом шагнул вперед, вроде чегой-то желая свершить. Он стремительно прыгнул вверх единожды перекувыркнувшись чрез голову да расставив руки в стороны срыву плюхнулся на пузо, глубоко врезавшись узким подбородком в почву, и вскинув себе на лицо серо-розовый ошметок мха (точно срезанного).

– Охти-мнешеньки! – болезненно протянул Копша, и медленно поднявшись с оземи, сев, поправил на голове, сместившийся на лицо колпак. – Ей-ей, межмирье. Эт, понадоба не вызнал я егось.

– Конешно не вызнал, ты ж долзе в Яви обитаешь, хотя аромат егойный раз нюхнув, ни с чем иным не спутаешь, – дополнил свою прерванную речь Багрец и втянул своими двумя маханькими носами с вычурно вздернутыми кверху кончиками воздуха. А тот и впрямь тут пах

по особенному, дюже кислятиной отдавая, будто кой-то не доследил и у него тесто совсем перекисло.

– А чаво энто межмирье значица? – взбудоражено и снова хором спросили ребяташки, почаству думая одинаково, да уставились на духов, переводя взгляд с сидящего на земле Копши на обоих колтков все поколь шевелящих носами.

– Наша Вселенная, – принялся пояснять Багрец, как старший, а может токмо более ведающий и тому сказу, словно подпели летающие округ странников и попискивающие комары. – Собрана из трех миров: Яви, Нави и Небесной Синей Сварги. Явь ащё часточко Белым Миром кличут, иде живут-поживают люди, духи, звери, гады да птицы. Во Синей Сварге яснее ясного боги обитают. А Навь, куды в положенный срок души людские уходят, была кады-то единой, обаче Чернобог создал Темную Навь, тем разграничив Пекло и Ирий. Промеж миров заплаточки проложены, кои сращивает их края, не больно они широкие. Эвонти заплаточки межмирьем и величают. И в том межмирье все равны, духи, люди, гады и гутарят даже боги тутова силы свои теряют. Поелику Копша и не сумел обернуться в гада, ибо в межмирье вроде як утрачиваются способности.

– Одначе тутова иные способности могут явится, не меньшие, а иноредь и большие. Токмо никто не ведает як и кады они приходят, – дополнил, поддерживая старшего братца, Бешава и горемычно вздохнул, видимо, расстроившись тому, что ноне стал ровен ребяташкам.

– Аще Ирий в кой ушествуют ясные души, частехонько кличут Синим морем-окияном, – молвил дух сберегающий клады, еще раз указывая на собственное старшинство и медлительно принялся вставать на ноги. – А Пекло, куды вски зловредности ступают, Тёмной марью.

– Болотом чё ли? – испуганно вскрикнула Алёнка и прикрыла рот ладошкой, пужаясь того, что они попали в Пекло, где правят сынки повелителя навых глубин Чернобога в чьей власти черная, обратная свету сторона бытия.

– Энто не Пекло, Алёнушка, – молвил Орей, и, подняв руку, приголубил волосы на голове сестрицы, единожды поправляя их ровность и успокаивая. – Всего-навсе межмирье, кое отделяет Явь от Нави, и скорей мы шествуем в Ирий, не в Пекло. Ведь не может баба Яга жить в Пекле, туды тока мертвому стежка проложена, а живому ход заказан. Правильно, я толкую? – досказал мальчуган, направляя вопрос на Багреца, однако тот лишь испуганно качнул головой, видимо ни в чем ноне, ни будучи уверенным.

– Отнудь не ясно, иде бытует та Яга, – взнамест старшего колтка отозвался Копша, оправляя на себе кафтан, да распрямляя на нем стоячий воротник, придерживающий его тонкую, короткую шейку. – Понеже кады я хаживал скрезь межмирье в Явь о ней, о енттой Яге, тадыличи не слыхивал. Бог она али дух, никоим побытом невесть. Дык и ежели гутарить про Навь... В Ирий, иде живут-поживают души славян, ступать лъзя токмо почившему.

– Эт, чё значица и мы почили? – в два голоса спросили ребяташки, округляя от диву свои глазенки и качнув головами так-сяк, принялись себя ощупывать, проверяя в самом ли деле они померли али были еще живы.

Дух сберегающий клады может и желал чего рассказать, и для того даже сделал шаг вперед, но внезапно скривил личико, погасив в морщинках свои красные глаза, оставив для взору только вертлявый нос, да болезненно запричитал:

– Охма! Охти! Охти-мнешеньки! Ноженьки дотла протер, онучи, понеже поспешая учинить веленное Доброхочим, под сопог не наволочил. Болозень нынеча у мене, так-таки, с куку, – захныкал, как дитя Копша да вскинув вверх правую руку, показал плотно сжатый кулак, каковой вряд ли бы в сапог поместился. – Ступать нетути мочи, – и тут же повалился на оземь, врезавшись в мох сракой.

– Пожалуй, чё вы, все-таки, живы, – протянул задумчиво Багрец, и, оглядев дали дальние, перевел взор на подпрыгивающий и зовущийся в путь маханький клубочек. – Иначе бы не обладали телами, были вроде тумана. Абы души в Нави бесплотны, и схожи со сквозистой

тенью. Да и эвонто межмирье может совсем ни к Нави ведет, а к Синей Сварге, не ясно же каковую стежку клубочек внутри лаза избрал.

Глава девятая. Безобразный Кадук и новые спутники

– Нетяжкий я, легошенький, аки маковая зернинка, – в который раз молвил сие беспокойство Копша, крепко держась обеими ручонками за шею Орея. Куды он, все-таки, залез. Абы так стенал, так причитал, что мальцу его стало жаль, и он посадил себе духа за спину, и теперь слегка согнувшись, поддерживал под сраку. Копша в свой черед ногами крепко обвил стан отрока, и цепко обнял руками его выю. Кувшин духа сберегающего клады несла Алёнка, ступающая позадь братца. Однако Копша часточко оборачивался и оглядывал столь важную ношу нынче, поколь переданную в чужие руки, словно переживая, что девчужка может ее себе прибрать.

– Як тык маковая зернинка, а млеко, ты прорва чумазлая, цельную кринку вылакала, – сопереживая тяжести Орюшки, и больно бесстыдству Копши возмущаясь, проронил Багрец, сизнова занявший место поперед всех спутников, прямо за клубочком.

– Ну, ежели язычить без утайки, – поучающе отметил дух сберегающий клады, – дык я не чумазлый. И вылакал не кринку, а токмо полть ёйну. Понеже по вечёру Алёнка и Орей иную полоть из нее откушивали. Да и млеко я не сжирал, а схоронил под оземь. Отнюдуже оно будя вертаться в кладенный ему срок. Изо дня в день и дык ежедень.

– О... наново запел свою присказку. Слыхивали мы ее и не раз, поелику полно всяко о том гутарить, – и вовсе гневно кликнул Бешава да возглас его, вроде, и, не отлетев, мгновенно вернувшись, слегка зазвенел в воздухе над странниками. А может это тенькали такие приставучие комары не столько даже жалящие, сколько густой серой тучей летящие над детьми и духами, вторящие бряцающим бубенцам на поясах Алёнушки и Орюшки.

И местность кругом все также продолжала являть болотистость. И в обширных окнах слегка покачивалась стоячая сине-прозрачная вода, чрез которую можно было увидеть глубокое дно, покрытое опавшими ветвями, валежником, переплетенное белыми нитями растений и почти черными сгустками мха. Иноредь воды смотрелись, прямо-таки, темно-синими или бурыми, и тогда на их поверхности вода пузырилась, вроде закипая. А когда те крупные пузыри лопались, в воздух выбрасывались сгустки пара и больно неприятные запахи, не просто чего-то перекишенного, а таки сгнившего. Низенькие или вспять высокие машистые бугры, пролегая по длинным островкам, были плотно укрыты ершистыми зелеными, бурыми, серо-розовыми, белыми мхами. Чьи приметные тонкие ветоньки, равным образом, переплетались со стелющимися побегами растений, заползали на коротенькие кустики (с корявыми отростками вместо ветвей) и низкие, искривленные сосенки, вроде обглоданные со всех сторон. Такие деревца зачастую были без веток, а порой на их стволах не имелось даже коры, как и хвои на ветках, словно кто-то, будучи вельми голодным, все обглодал.

По мхам было вельми сложно ступать. Посему стоило совсем чуть-чуть сойти с того пути по оному катился клубочек, как нога проваливалась по щиколотку в воду, а при извлечении ее из лужицы гулко хлюпала. Вода в окнах оказалась кислой на вкус, пить ее побоялись, хотя жажда ребятушек изредка одолевала. Впрочем, погода сама собой проходила, точно они вдоволь напились.

Обилие комаров, хоть и не кусающих, но весьма заунывно верещащих, как кислятина, витающая в воздухе, подталкивали путников шагать скорей, ни давая даже малости отдохнуть али отдышаться. А кады с небосвода, все также серо-голубого лишнего солнца, посыпала мельчайшая мжица капель, холодных и на вкус соленых (будто слез пролитых за померших сродников), странники и вовсе перешли на быструю поступь, нет-нет срываясь на бег, а колтки на широченные прыжки. Дотоль почасту хнычущий Копша днесь притих и перестал следить за кринкой в руках девонюшки не то, чтобы ей доверившись, просто весьма тяжело переживая приключившееся ненастье, неприятно осыпающее с небушка на него паморось.

– И чаво энто, – проронила Алёнка, поспешающая в след братца, да подняв вверх кувшин, махнула им туда-сюда, рассеивая ряд комарья летящего над ней. – Гнусь нас не жалит, токмо заунывно канючит? – спросила она, обращая спрос к Бешаве, оно как тот был много ближе к ней, ступая позади.

– Небось, думает, что вы мертвые, абы туто-ва живые люди не хаживают, – отозвался колток и подобно отроковице, взмахнул в свой черед рукой вправо да влево, разгоняя тучу комаров.

Однако все те движения были бессмысленны, и гнусь ужо миг спустя сызнова сбилась в единую стаю, заверещав, кажется, сильней, доводя до дурноты. А по правую сторону от странников показалась небольшая ровная полянка, покрытая зеленой травой и яркими цветами. Их лежащие прямо на траве стебли держали на себе круглые крупные соцветия, белого, голубого, желтого, розового, синего и даже красного цвета.

– Може, отдышимся, – молвил Орей, узрев ту лысину и разком остановился, легошенько скинув на спине духа сберегающего клады, – а то я малость притомился.

Мальчуган качнул головой в направлении полянки и с тем скинул со лба мелкую капель бусенца, который вымочил волосы и одежду не только на нем, но и на Алёнке, и на Копше, и даже ветоньки бузовника на колтках, поелику они грустно свесили вниз листочки и перестали перекачивать ягодки. Да, так, не дождавшись ответа, срыву шагнул вбок правой ноженькой, прямо в мягкую ту муравушку и также сразу провалился почти по щиколотку в воду, каковая неожиданно разошлась в стороны, к довершению всего раздвинув и саму зеленую травушку.

– Пстой! Пстой, Орюшка! – громко загамил Багрец, немедля замерев на месте и обернувшись. – Эвонто чаруса, коварная топь во мхах схороненная. Она в сиг тебя на дно утащит.

Отрок и сам сие скумекал, понеже почувствовал, как ноженьку его ктой-то крепко ухватил, не вырвешь. А поверх мягонькой муравушки, растущие крупные цветы внезапно, дрогнув, обернулись плоскими шляпками гриба мухомора, чью красную кожицу усеивали белые бородавки. И те шапки гриба были такими крупными и стояли столь густо, что полностью скрывали под собой траву. А ноженьку Орея кто-то ощутимо потянул вниз так, что она войдя, по колено, вглубь чарусы, дернула вбок и само его тело. Посему оттого рывка отрок завалился на правый бок, единожды выпустив из хватки сраку Копши. И не ожидающий сего действия дух резко свалился, сквозь разошедшуюся травушку, прямо в темно-синюю водицу, вызвав слышимый плюх, и уйдя под нее наполовину. Впрочем, уже в следующий миг Копша, высунув на поверхность воды голову, и яростно взмахивая левой рукой и ногой (доколь не утопленных), громогласно заверещал:

– Пособите! Спасите! Топну!

А шапки мухомора промеж того сменили свои ровные образы на выпуклые (точно вспухнув), блеснув собственной лощеностью. Бородавки на них (опять же мгновенно) лопнув, выпустили в выспрь дымчатые черные пары. Поелику находившийся к ним ближе всех Орей громко закашлял, ощутив во рту ни тока кислотину, но еще и удушающую горечь.

– Братец! – всполошено вскрикнула Алёнка, и, бросив под ноги кринку, перескочив через нее, кинулась к мальчику, ухватив его за левую руку да потянув вверх. А из водицы, обок духа сберегающего клады, внезапно высунулась серая с четырьмя перстами рука, точь-в-точь, как клешня рака, сложившаяся челюстями, обряженными малюсенькими коготками. Та клешня резко щелкнула, вроде жажда ухватить Копшу, али Орея. Посему первый испуганно зыркнув в сторону высунувшейся руки еще громче возопил:

– Спасите! Пособите! Нешто топну?! Охти-мнешеньки!

И словно побуждаемая теми воплями девонюшка, рывком дернула на себя братца, единожды заваливаясь на левый бок и с тем вырывая его ногу из плена водицы. А подскочившие следом к ребятушкам колтки, подхватив один другого под руки, подняли на ноги. Притом

дуже взволнованный Багрец, не обращая внимание на плюхающего руками и ногами по воде Копшу, дыхнул:

– Бежим! Бежим!

И коль девоньку, ведомой под руку Багрецом, удалось провести вперед, сделав малость шагов, то Орей, поддерживаемый Бешавой, так и не сдвинулся с места.

– Ты чаво, Орюшка? – спросил младший колток, вдругорядь дергая отрока за рукав, и к тому же делая поспешный шаг, побуждая и его бежать.

– Куды бежать? А, Копша? – весьма сурово проронил мальчоня и вытащил из объятий духа рученьку, оставляя в собственном владении поступки.

Тем временем рука с клешней, торчащая из водицы, пропала из наблюдения, точно нырнув обратно. А на самой полянке, ноне покрытой ядовитыми грибами, на их шляпках, как-то махом лопнули все бородавки, выпустив вязкие черные пары, весьма быстро загустевшие. Хмарь самую капелюшечку кружила над мухоморами, а ужоль в следующий миг принялась напозать на тонущего в воды Копшу, у которого теперь только и была видна, что его голова увенчанная красным колпаком. Дымчатые пары опять же собирались в середине полянки, создавая али все-таки вытягивая из воды мшистую, пупырчатую кочку. Ещё маленечко и кочка, схожая с мощным валуном, сменила цвет с черного на зеленый, где более темные пятна указывали на истлевающие части, понеже и в воздухе дуже смрадно завоняло гнилью. И немедля утопающему возгласу Копши отозвалась пузырячатая рябь водного окна.

Впрочем, в то же мгновение Орей, развернувшись, упал на колени, и, выкинув руки вперед, ухватил духа за жалкую поросль златых куделек, растущих на лбу. Он срыву дернул вверх волосья и единым тем движением вырвал Копшу из водицы почитай до стана, отчего последний, вже закативший свои красные глаза в бок, раскатисто «вохнул». А когда Алёнка, вырвав руку из хватки Багреца, вернулась к братцу (сим обнаруживая с ним единство во всем), и опустившись на присядки, ухватила духа за грудки кафтана, этак, вызволяя из водицы, валун, находящийся посередь полянки, принял очертания создания.

И глянувшие на него колтки к собственному изумлению увидели духа родственного тем, каковые обитали в Яви, и величались Кадуки, выдающегося не только округлостью образа, дуже пузатого и дымчатого, но и человеческого лицом. Абы округлое оно имело большой рот, от уха до уха (словно жаждущего сглотнуть всякого), до конца не закрывающийся, сквозь щель которого являло заостренные зубы и топорщившийся красный язык, да почти кровавые очи, без какого-либо белка али зрачка. На голове духа возвышались шляпки мухомора, кои местами, особлива по спине, окутывали и его безобразное (в виде валуна) тело.

Понеже узрев то создание, скорей всего не привычное межмирию, Алёнка, подымаясь с присядок и прижимая к своей груди голову Копши, покачивающегося на чуть дрожащих ножках, с какового потоками стекала вода, молвила:

– Доброго дня. Дух энтих мест.

– Величание оного Кадук, – завершили за девоньку колтки, расположившиеся позадь детей, и с тем вызволяя из воды мальчугашку так, что он присел на корточки.

А Кадук, как его называли духи, сразу сдержал движение кабаньих ног заканчивающихся копытами (проступивших в черных дымчатых парах тела), опершись ими о прилегшую к земле травушку, да наблюдаемо дернул вправо-влево длинным, словно плеть хвостом тем смахнув останки растущих рядом мухоморов и вспенив кружащее марево.

– Зывут мене Кадук, – грозно продышал дух и качнулся вперед-назад, будто не до конца обрета свое отекшее, безобразное тело. – И туто-ва бытую я многий лета, абы...

– Абы, – закончил за него, Копша, и прижался к Алёнке, склонив голову на бок и чуть потряхивая круглым колпаком. – Перетрухнул ступать дале, да на сей мари застрел. И нонечька бытуешь в кисляде, да пужаешь кажодного встречного.

– Не каждогого, – задумчиво отозвался Кадук и своей покатою головой, восседающей прямо на теле, без всяких переходов, качнул туды-сюды, не понятно в какие стороны для наблюдающих за ним путников.

Он может и желал ответить чего большего, и для того даже широко отворил свой округлый рот (расширив его до заостренно-длинных ушей порой чуть трепещущих), однако зыркнув в небосвод, как-то зараз замер. А в серо-голубой дали поднебесья неожиданно блеснула златыми лучами, малая крапинка света, пожалуй, озарившая пространство округ себя. Впрочем, Кадук, судя по всему, лишь отвлекая внимание на всплеск света в небесном куполе, внезапно разбух, не столько увеличившись в росте, сколько в ширине, погасив в той дымчатой хляби, как кабаньи ноги, так и хвост. И не менее размашисто растянулся его безгубый рот, слегка приоткрывшись и явив острые, шилообразные зубы, утыканные в два ряда, да красный язык, плотно покрытый белыми бородавками. Этим безобразным языком он торопливо облизал, раздвоенный глубокой выемкой, подбородок и длинный, широкий нос, конец которого напоминал шапку мухомора.

– Понадоба когой-то пожамкать, – наконец озвучил собственные изменения дух и тотчас выплеснул изо рта длинный красный язык, каковой концом, будто змеюка, обвил обе ноги Копши. Еще сиг и язык также резко вернулся вспять, утянув за собой в открытый рот духа, Копшу, вырывая из объятий Алёнки, и скрывая его в той не малой дыре. Кадук громко икнул, и, сомкнув рот, наблюдаемо качнул брюхом, точно чегой-то туда кинув, да много тише молвил:

– Дык вотде будя лучии. А то оченно я голодарь, малешенько тудо-ва людей и духов хаживает, зачастую души почивших.

А в небосводе нынче зримо затянутом серыми тучами, густыми и сыплющими вниз мельчайший и довольно-таки морозный ситничек, вновь что-то ослепительно блеснуло. Златые лучи пустили рассеянные полосы сияния во все стороны и даже вниз, тока на миг озарив все окрест, а потом опять же сразу погасли, точно тот свет был дюже дальним и долетал до межмирья отдельными пучками нитей.

– Сожрал, – чуть слышно дыхнула Алёнушка и в той горести вздев рученьки, схоронила испытанный ужас перекосившегося на бок рта в розовых ладошках.

– Ах, ты! старая кочерыжка! – в противность беспокойному крику сестрицы, грозно отозвался Орюшка. Мальчоня рывком вскочил с присядок на ноги, и, ринувшись к Кадуку, должно быть, в два прыжка доскочив до него, что есть мочи, огрел кулаком его по брюху. Пятерня отрока, врезавшись в мягкую, дымчатую суть духа, пронзила ее насквозь и почитай по локоть ушла в утробу. Брюхо Кадука резко дернулось вначале назад (словно втянувшись), а потом также скоро вперед, выпучившись, да будто выплюнула из себя руку мальчика. И тот же миг из туманного, черного брюха духа явилась пясть Орея, коя крепко удерживала в перстах правый сапожек Копши.

Мальчонка, лишь из пуза духа выглянула нога Копши, торопливо схватился за нее и второй рукой, да резво ступив назад, потянул ее на себя. И днесь не мешкая стан братца ручонками обхватила Алёнка, а в нее вцепился Багрец да Бешава, и, ну-ка, тянуть духа берегающего клады на себя, раз... другой и третий. Кадук яростно квакнул вроде распевшаяся по весне серо-желтая жерлянка, издав нечто схожее с «уканьем». И тотчас открыв свой огромный рот, выпустил оттуда густые, черные и горькие пары, плеснув их прямо в лицо Орея. Посему мальчик, приняв ту смрадную густоту на себя, яростно затряс головой и громко закашлял, да только ногу Копши не выпустил, всего-навсего сильнее на себя ее дернул. Отчего дух берегающий клады показался из брюха и второй ногой, почти до стана.

– Охти-ахти, ты, шелупина таковая! – грозно продышал Кадук, сызнова разинув свой большущий рот и пугая странников острыми, шилообразными зубами, утыканными в два ряда да красным языком покрытым белыми бородавками. Он теперь еще тягостно закачал длинным, широким, один-в-один, нависающим в виде шапки мухомора носом. И неожиданно изогнув

свое сгустившееся тело почти, что навис над головой Орюшки, а из его нутра слышался приглушенный вопль Копши:

– Спасите! Уберегите! Губит мене душегубец, Кадук! – а мгновением погодя в черных клубящихся парах его пасти показался сначала округлый красный колпак духа берегающего клады, а потом и сама его голова с порослью золотых куделек на лбу. И Алёнка это мелькание Копши узрев, сразу выпустила стан братца, да шагнув вперед, впритык к Кадуку (потянув за собой пристроенных позадь нее обоих колтков), ухватила проглоченного духа за волосы и чуть торчащее правое лоптастое ухо.

– Орюшка! – вскрикнула девчурочка, обращая на себя внимание братца. А последний хоть и тряс головой, да часто-часто моргал, абы пары, выпущенные из Кадука, жгли ему очи, однако моментально сообразил, что надобно сестрице. Посему немедля выпустил из рук, дотоль удерживаемый сапог Копши, и, пособляя Алёнке, вздев руку, сунул ее в пасть Кадука, ухватив духа берегающего клады за левое ухо. А ужоль опосля малец вместе с девонюшкой потянул Копшу вверх.

– А...! – заорал дух берегающий клады, и тягостно затряс головой и всем телом, вылезая из внутренностей Кадука почти до стана, да стеная тому раскатисто крику укнул, а после каркнул.

И тотчас в небесах вельми ярко и много ближе, над путниками и чарусой, вспыхнули размашистые золотые лучи, точно, желающие разогнать серость облаков, самую толику потревоженных ветром, и с тем сдержавших холодную морось. Еще не более мгновения и в серой ряби небосклона явилась, будто вынырнув из-под облаков, чудная золотая птица. Весьма крупная с длинной точеной шеей, маленькой головой увенчанной хохолком да долгим широким хвостом в виде опахало (каковой в дуновении ветра блистал каждым перышком). Она вдруг блеснула своим дивным придивным желтовато-блестящим опереньем, взметнула опахалом хвоста и принялась медленно и плавно спускаться вниз, совершая небольшие круги.

Впрочем, того прилета путники бывшие на чарусе ни видали, абы были заняты вызволением из утробы одного духа, другого. Понеже кады птица наблюдаемо опустилась над болотной полянкой, сестрица и братец сообща дернули Копшу за уши вверх так, что внутри Кадука чегой-то гулко плюхнуло, выпустив первого из нутра почти до сапожек. Посему когда детвора подхватила духа берегающего клады уже и под руки, их самих внезапно потянуло вверх. Еще самую малость и ноги отроковицы да отрока, а за ними и колтков (весь тот срок державшихся за Алёнкин стан, да по мере сил пособляющих), оторвались от мшистой землицы. И из чрева Кадука вослед ребяташек полностью вырвался Копша, напоследок полоснув пожирателя по красному языку золотой подковой, смахивая с его поверхности белые бородавки вниз в черные глубины его утробы.

– А...! – пронеслось весьма раскатисто над болотами, да эхом отразилось со всех сторон и даже заухало в окна водицы.

Это Копша только сейчас приметивший собственное вызволение, вытянул в сторону лежащего на кочке кувшина руки да громко возопил:

– Кринку! Кринку забирайте! Без кринки я никоим побытом!

И тогда же недвижно лежащий на землице кувшинчик, яростно сотрясая, из его доньшка выросли два округлых волдыря, вроде выдавленных наружу. Они, малость, подрожав, пошли малыми трещинками, а после, срыву лопнув, выпустили из себя, раскрывшиеся как бутоны на цветках, небольшие перепончатые утиные лапки. Красные лапки теперь и сами шелохнулись, как и качнулась кринка, намереваясь, опустится на собственное дно. Она, еще раз колыхнулась, и, так-таки, перевалилась на днище, поелику лапки ее коснулись озечи да, не мешкая, оперлись на них, на чуточку времени неподвижно затаившись. Однако уже в следующий момент времени посудинка приподняла тулово, расширяющееся книзу с пережабиной под горлом, и побежала вначале вправо, а потом влево. На пережабине внезапно появилась тонкая

трещинка, каковая раздавшись в стороны, шевельнулась по краям, и сразу послышался громкий крик:

– Мене! Мене, Кринку запомнили! Без мене вам никоим побытом! Никуды!

А на черном, словно студень, вязком и, одновременно, дымчатом брюхе Кадука медленно сошла в единую полосочку дырища, оставленная от вынутого из утробы сапога Копши. Дух теперь сомкнул и свой огромный рот, да слышимо плюхнул, выплескивая из боков длинные столбы вязкого дыма. Те пары как-то мгновенно загустели в виде рук оканчивающихся четырьмя перстами, кои сложились подобно челюстям, схожими с клешнями рака да обряженными маленькими коготками. Кадук торопливо вскинул руки вверх вслед поднимающихся колтков, детишек, Копши и чудной птицы, да резко щелкнул клешнями, пожалуй, на вершок, не дотянувшись до кожаных порабощенной Бешавы. Благо в этот момент младший колток малешенько поджал ноги, а чудна птица взяла вбок, смещая собственную ношу в сторону бегающего по земле кувшинчика, всполошено закричавшего:

– Мене туточки не вергайте! Мене забирайте!

И ему с высоты не менее взбудоражено отозвался Копша:

– Кринка! Кринка аки я без тебе?! – словно прощался не с посудинкой, а с родней и, на-кась, даже легонько дернулся в его сторону, обаче не сильно и видимо не намереваясь покинуть удерживающих его подмышки рук ребятишек.

И в тоже мгновение, дотоль смирно лежащий недалече, клубочек, будто из желтой шерстяной нити скрученный, пригасивший сияние огнистых зерняток (может потому как вспужался Кадука), ярко вспыхнув, покатился в сторону кувшина, продолжающего бегать туда-сюда, инолды даже пытавшегося подпрыгнуть. Впрочем, подскочить повыше посудинке никак не удавалось, посему она всего-навсего гулко плюхалась на землю доньшком, всяк раз, при таком падении, выкидывая вперед красные лапки. Клубочек вельми скоро докатился до кувшинчика, и, резко сиганув вверх, нырнул через горловину внутрь него. Отчего вже в следующий сиг кринка и сама присела на лапках. Да будто переняв от клубочка прыткость, срыву скакнула выпры, нанизавшись горловиной на стопу Багреца, и уже там благоразумно затихнув, свесила вниз лапки. А дивный птах, подхватив и последнего спутника, сразу и больно быстро взмыл выпры, взметнув своими мощными крылами да обдав всех висящих под ним порывистым дуновением.

– Ужось я вас! Ужось я вам! – гневно прокричал в след улетающих Кадук и яростно защелкал своими клешнями-руками. Да только он зря ярился, выплескивал изо рта густые черные клубы, качал головой и тряс мухоморами, особлива приноровившихся расти на спине, ибо странников ему было не достать.

А чудная птица, столь неожиданно пришедшая на выручку, ужотко несла путников вглубь межмирья, каковое стлалось все теми же болотными далями, привольем неведомым. И оземь покрытая водьями да мшистыми островками днесь не была землицей-матушкой. Не являлась она богиней Мать-Сыра-Земля, наполняющей собою Явь, каковая по поверьям славян живой слыла, коей каменные горы заменяли кости, мощные корни деревьев, жилы, а вода, текущая по руслам рек, кровь. То совсем другая оземь стлалась, где не должно было жить-поживать человеку, зверю, птице аль духу, обитать богам, абы она стала на вроде шва, оный крепил один мир к иному и тем самым объединял это пречудное творение Рода в необозримое приволье Вселенной.

– И чё энто Кадук тут-ва застрял? – прерывая молчание, спросил Бешава, он также как и его старший братец крепко да обеими ручонками держался за стан Алёнки, точнее днесь за ее пояс, иногда покачиваясь во время полета птицы.

– Може побоялся ступать дальче, – также негромко отозвался Багрец, видно, не желая, дабы детишки их толкование с братцем слыхивали и оттого беспокоились.

– Вмале ведь истончится в дым, видал, скока тех белых паров над водой пузырится, – протянул младший колток и сострадательно вздохнул.

Глава десятая. Жар-птица

Птица летела ни высоко, ни низко, а по середочке небушка, малешенько касаясь концами своих размашистых крыльев серых, словно рассыпанных облаков. И то все времечко под странниками пролегли странные земли межмирья, ниточного шва, между одним миром и иным.

Яви и Нави?

Али Яви и Небесной Синей Сварги?

О том может, кто и ведал... Тот, каковой ноне в межмирье никак не мог быть...

А дивная златыми переливами сияющая птица стала медленно спускаться вниз, изредка (точно присматриваясь к оземи) свершая не большие круги над местностью. И всякий раз такие движения, вызывали вопли ужаса в Копше и поддакивающем ему глиняном кувшине:

– Мягше, мягше. Нешто лъзя дык шибко летети наземь? – возмущался дух берегающий клады, и легошенько тряс головой, колыхая плывущей по воздуху длинной бородой.

– А я и тем паче крушливый, не дай боже сронишь, – вторил ему кувшин, совсем чуточку покачиваясь на ноге Бешавы, за каковую держался собственной горловиной.

И то недовольство длилось весь срок полета, каковой шел от начала спасения обок Кадука и до тех самых пор, поколь дух не сокрылся из глаз и птица медленно, но ощутимо пошла на посадку (не больно быстро, как о том переживали Копша и кувшинчик). Дивный птах промеж того свершив еще один полукруг, выставил вниз ноги и сложив крылья на спине, весьма мягко опустился на землицу, сделав по ней несколько шагов и с тем как бы оставляя на ней, сперва колтков и посудинку, а после детушек и Копшу. Не столько ставя их на ноги, сколько, все-таки, укладывая в густые и здесь зеленые мхи.

Сама же птица, выпустив из когтей плечики сестрицы и братца, взметнулась ввысь, теперь свершив махонькое коло над лежащими. Ужотко наблюдая сверху, как странники степенно принялись вставать с земли, кто, восседая на нее, кто все же подымаясь на ноги. Теперь дивный птах чуточку расширил круг полета, да вновь пошел на посадку, выкинув вперед свои высокие, крепкие ноги, и врезавшись их загнутыми златыми когтями в мшистую поверхность озема. Как-то и вовсе махом он сдержала движение крыльев, и, сложив их на спине, единожды блеснул всем своим опереньем, кажным его ярчайшим перышком, кажным мельчайшим его отростком.

– Блага дарствуем за наше спасение, – первой заговорила Алёнка, также как и Орей, поднявшаяся на ноги. Девчужка вскинула вверх правую руку, приложила ее длань к груди и тем поприветствовала чудную птицу, ростом как оказалось не больно с ней разнящуюся.

– Здравия и тебя девонька, и твоему братцу, и всем путникам оные прибыли с вами, – ответствовал дивный птах и надо же легошенько качнул головой, вроде кланяясь златым коротким хохолком. И вслед того говора на землицу из его клюва ссыпалась капель переливающихся искорок, не то, чтобы утонувших в зелени мхов, а лишь зацепившихся за их малые отростки и чуточку качнувшихся на сих кончиках.

– Зовут-величают меня Жар-птица, – ответила птица, продолжая дотоль начатую реченьку, и ступила вперед ближе к ребятушкам. – И прилетела я к вам, Алёнка да Орей, сестрица да братец, в помощь неспроста. Понеже рождена я была в тот срок, кады вы оба избрали эвонту стежку, абы являюсь воплощением великого бога, ноне упрятанного лютым Скипер-зверем, як и ваши сродники. И мое явление-рождение, знак судьбы, послание славянскому роду... О том, что прошли тяжкие времена и наступают инаковые... – Жар-птица стихла всего-навсего на малость, судя по всему, чтобы качнуть своей дивной головой да уже в следующее мгновение продолжила, – прилетела я из далекой Синей Сварги, иде, и, была рождена в привольности голубых небес. Прилетела к вам на выручку, ибо с энтого сига наши уделы связаны... Мой, бога, Алёнки и Орея! Ужоль, тык вот чудно сплела Макошь судьбу. Свяжав в единый, златой узелок, мой удел и ваш.

– А нашто богиня тык сплела наши судьбы? – задумчиво спросил мальчик и легошенько отодвинул от себя Копшу, каковой только поднявшись на ноги, принялся жаться к деткам и единожды часто-часто покачивать головой, словно желая сбросить с нее колпак.

– Подь, подь сюдытка, Кринка! – наконец пояснил пошатывание собственной головы дух берегающий клады, и, развернувшись, сердито глянул на застывший обок колтков кувшинчик. И посудинка срыву сорвавшись с места, побежала к Копше, торопливо переставляя свои утиные лапки и раскачивая тулово туда-сюда. Уже вельми скоро преодолев пролеглистый промежуток и замерев подле духа, кринка с тем пошатыванием, вроде вытрясла из себя маханький клубочек, который выскочив из горловины, притулившись сверху на мхи, мигнул огнистыми зернятки, особлива переливающихся в лучах сияющего оперенья дивного птаха.

– Богиня Макошь, Великая Ткачиха, держит в своих руках полотно Мира. Витиеватые на нем узоры, усе из волоконцев судеб людских и богов собранные, – протянула Жар-птица, последние звуки молвленного и вовсе пропев. И тому говорковому пению вторил нежный свирельный свист, а из приоткрытого клюва дивного птаха вниз, в зеленые мхи, посыпались крупные перламутровые камушки.

– Ужотко женчюг! – прервал, громким окриком пение Жар-птицы, Копша, и взбудоражено всплеснул своими руками, да затопал ноженьками на месте, став схожим с курицей готовой снести яичко. – Сие женчюг, женчюг! Таковой зрети в ракушке в море-окияне. Вельми расчудовый камык, – дополнил все также радостно дух берегающий клады, и разком сорвавшись с места, в два аль три шага подскочил к дивному птаху, высоко поднявшему голову, и, так-таки, замершему, должно стать, от испуга. Копша между тем упал пред Жар-птицей на карачки да принялся, раздвигая скученные веточки зеленых мхов, вытягивать из них переливающиеся камушки да пихать их себе в рот.

– Женчюг? Иде женчюг? – не менее взбаламошено вскрикнула Кринка и принялась бегать по коло, натываясь на ноги стоящих ребятишек и колтков, отступая и сизнова продолжая свой скорый ход, однозначно не видя ничего кругом. Обаче посудинка явно слышала, потому как после очередного бодания ног Багреца, отступив назад, недвижно замерла, да посем же точно добежала до Копши.

Кринка теперь застыла обок духа берегающего клады, прижавшись пережабиной под горлом к его выпученному и чуть прикрытому материей кафтана заду и легошенько вздрагивая всем своим туловом, да приседая на утиных лапках, запричитал:

– И мене, мене того женчюга дай-ка! Вельми вождедею сие обилие в ручонках держивать!

– Хм! – немедля смешком отозвался Орей, да хмыкнул носом, столь задиристо, что из правой ноздри на губы его выскочила долгая белая сопель, сигом погода уже нырнувшая обратно. – Об каких ты руках болтаешь? Их же у тебя таки да нет, – дополнил он свой смех реченькой.

А Копша внезапно изогнул спину дугой, да принялся громко кашлять и с тем выплевывать в обратный путь камушки женчюга. Ужось, однако, не позволяя им попасть во мхи, он также скоро, изловчился вылавливать их летящими в воздухе. И лишь потом, когда ладошки переполнились женчюгом, и прекратилось их изрыгание изо рта, дух отправил полные жмени себе запазуху. Притом не расстегивая медные пуговицы, а засовывая сквозь прорехи меж ними, ни сколько не обращая внимания на просьбы кувшинчика. Копша переместился с карачек на присядки, в же после того как полностью освободил свои длани от женчюга и принялся пристально оглядывать растения, точно ожидая кады ж вдругорядь запоет птица и ничего ли он там не пропустил.

– Больше женчюга не будет. Можешь отседова ступать, – негромко молвила Жар-птица и совсем чуточку покосилась на сидящего поперед нее духа, блеснув крапинками сине-голубых глаз. Колпак на голове Копши качнулся туды-сюды, как и он весь сам, судя по всему, дуже

переживая, что более не получит тех не понятных для ребятушек камушков, всего-навсего приметно сверкающих переливами света.

Дух сберегающий клады медленно вздел голову, единожды сместив колпак на бок и скривил личико, погасив в морщинках красные глаза, оставив для взору только вертлявый нос, оный в свой черед часто-часто задрожал и принялся пущать из себя тончайшие струйки беле-сой слизи (то ли слез, то ли нюнь). И уже так это со стороны смотрелось пакостно, что не только колтки, Алёнка, но и почасту утирающий собственные нюни Орей, громко зашикали на Копшу, призывая его к благопристойности.

– Як же тебе не совестно, – протянула за всех девчушка, легошенько выпучив вперед красные губешки, тем самым выражая недовольство. – Такой большенный, самый старчий из нас тут-о-ва, а тык вот некрасивше нюни распустил, будто маханький.

Копша слышимо выдохнул и зараз поднялся на ноги, притом не расправив на лице складочки, хотя и подтянув сопли. Таким побытом, все ж он желал задобрить дивного птаха, какой в свой черед не поддалась на данные увертки, а вспять того ступил в сторону. Позади Жар-птицы долгий хвост, малешенько качнувшись, поднялся вверх, размашисто развернувшись и блеснув каждым отдельным перышком, таким ослепительно златым. Дух сберегающий клады еще чуточку поглядывал на птаха, но так как последний больше на него не обращал внимания, медленно развернулся да принялся оглаживать свой кафтан, ставший несколько потрепанным и грязным от пребывания в Кадуке, посему и являющий бело-серые полосы по всей материи. И тотчас послышался раскатистый вздох кувшинчика, все поколь тулящегося к Копше, досель сопереживающего, что не удалось собрать женчюга, слышимо сказавшего:

– Дык аки прекраса он лучится, – и его возгласу довольно фыркнул дух, кособоко наблюдающий за дивным птахом.

А Жар-птица, между тем, поглядывая лишь на поместившихся супротив него ребятушек, продолжила свой сказ, ноне, впрочем, более не переходя на пение:

– Полотно Мира, кое соткала Макошь, имеет замысловатые узоры, удивительные перекрестия, знаменательные узелки. Разными цветами переливается оно, абы удел каждого живого создания не повторим в своем движении. И твой Орей, и твой Алёнка удел накрепко связаны с моим явлением. Коль бы оба вспужались ступать за клубочком як то велела Земляничница, али б забоялись защищать колтков перед Доброхочим, лезть во глубокий лаз берлоги кома, не случилось б и моего рождения, явления. Не было бы моего прилета в межмирье, а значица и освобождение славянского роду от Скипер-зверя во даль дальнюю отодвинулось, а может никогда и не свершилось бы вовсе.

Чудная птица тяперича раскрыла и свои переливающиеся крылья да легохонько качнула на них каждым перышком, точно намереваясь взлететь, и единожды обдала стоящих пред ней детушек жаром огня. Только затем, когда теплые волны вроде огладив волосы братца и сестрица, чуть слышно затрещали на них, Жар-птица дополнила:

– А днесь нам всем надобно ступать вперед. Туды, куды катился до энтого клубочек, ибо стёжка наша обчая прямо али криво, быстро али долзе, приведет куды велено.

– Кем велено и куды сия стёжка водить, – протянул недоверчиво Копша, лишь сейчас распрямляя на личике морщинки, и взором своим суровым уперся в чуть покачивающийся хохолок птицы, поверху увенчанный крупным, белым женчюгом, вельми круглым и гладким. – Ты сама-то ведываешь? Али дык всего-навсе язычишь? – довольно грубо закончил дух сберегающий клады, и прерывисто вздрогнул, судя по всему, очень желая тот женчюг примерить на свой колпак.

– Не-а... не ведаю, – чуть слышно отозвался дивный птах и сызнова переступил поближе к детушкам да покосился на такого жадного до того обилия Копшу, точно пугаясь его непомерности.

– Толдо пошто язычишься... Тумкаешь сие очень легишенько ступать к незнамой Яге, по неведомой дали, – глубокомысленно завершил дух сберегающий клады и вторящий его ненасытному взгляду кувшинчик, горестно застонал, будто сам желал примерить на себя чудной камень женчюг. – Нам хаживать, тебе летети. Али ты, опять-таки, по сим вольностям мари влачитися с нами будяшь?

Жар-птица сразу взметнула крыльями, да подавшись вверх, взлетела в поднебесье, качнув своими вытянутыми, повисшими златыми лапами, на кончиках каковых переливались ослепительно-желтые тонкие коготки, и ужоль оттуда чуть слышно отозвалась:

– Нет, я полечу, не могу ступать. Тык и вас не могу несть, ведь куды-ка шествовать о том ведает токмо клубочек ваш. А вас я разыскала туто-ва, понеже тяперича удел у нас обчий. Я буду лететь, и глазеть с небес за вашим ходом, дабы не отстать.

– Вельми нам понадоба, дабы ты попевала, – сурово дыхнул Копша, и, раскрывши рот, потеснив волоски пышных красных усов и густой бороды, прикрывающих губы, вынул из него узенький черный раздвоенный на кончике язык да выставил его вверх. Скорей всего он желал, чтобы его недовольство узрела Жар-птица, да она была вельми высоко и о языке духа сберегающего клады не помышляла.

Глава одиннадцатая. Огненная, смрадная река

А болотистые земли все стлались и стлались. Они как можно понять наблюдались и справа, и слева, и даже позади странников, словно все, что осталось в Мире так только эта полоска межмирья. Должно быть не больно узкая, может вспять широкая да долгая. Понеже в данном месте стало сложным понять какой ход у времени, сколько пройдено и кады то движение закончится. И коль земляца, покрытая водьями да пестрыми кочками мхов, мало чем различалась с болотами Яви, то небесный купол, серо-голубой с легкой рябью облаков, смотрелся иным. Отсутствие на нем красна солнышка, так-таки, и не проявившегося в небосводе, ни восходом, ни западением за его грань, лишила возможности понять, когда здесь день, а когда ночь. Словно в тутошнем приволье завсегда было утро или вечер, каковой даровал свет и вместе с тем торопил шагающего, непременно, поспеть в определенный срок дойти до границы межмирья.

Обаче чем дальше уходили путники, тем все тише и тише становилось округ. То безмолвие теперь не нарушалось даже пыханием пара над водными окнами. А легчайший ветерок, досель витавший окрест и колеблющий волосы ребятишек да перекатывающий бубенцы на их поясах, кои выдавали былые, звучные мелодии, ноне замер. Лишь продолжали гудеть над головами странников тучи комарья, своим въедливым пи... пи... пи поторапливая ступать скорей.

Затишье небосвода если кто и нарушал так только летящая и блистающая златыми переливами Жар-птица, то зримо видимая, то наново обращающаяся в яркую крапинку. Она частенько перекликалась с ребятишками, величая их по именам, а порой вельми заливисто пела и тады ей, кажется, подыгрывал свирельный свист, ссыпающий вниз на землю мельчайшие бусенцы женчюга. Когда те махие перламутровые камушки падали в воду али мхи, Копша тягостно вздыхая, сказывал:

– Надоть же сколь чудо-чудового занапрасно сронено.

На что ему не менее взбудоражено и созвучно откликались колтки, старший шагающий впереди всех, и младший замыкающий странников:

– Каков таков толк в энтих каменьях? И чё ты всяк раз тык нудишь, красоте свиста и песни не порадуешься.

– Эт, поелику вы дык язычитесь охально об золоте, серебре да камыках, – отозвался наконец дух берегающий клады и на всякий случай прибавил шагу, нагоняя девоньку, – поелику не глядывали чё сие обилие с людьми вершит. Куды-ка их уволокивает и в кого выворачивает. А ежели б зрели, возымели к энтому обилию и роскошеству усю кладенную учтивость.

И тотчас сочувственно и единожды с затаенной досадой подпел то ль Жар-птице, то ль все же Копше, кувшинчик, шагающий поперед Бешавы:

– Хоча бы в руках сие обилие подерживать!

Да тем завыванием махом вызвал раскатистый смех ребятишек (на самую малость распугавших тучи гнуса над ними), а бы чудно было, что глиняная посудинка сама собой идет, да еще и вельми жадничает.

– Копша, а почему кувшинчик ожил? Отколе у него ноги явились и ротик? и отчего не заимелись ручки аль глазоньки? – спросил Орей, ступающий позадь Багреца да задержавшись на месте, оглянулся. Он теперь резко вскинул вверх правую руку, обтер долгим рукавом рубахи свой нос, собрав на ее льняное белое полотно прозрачную слизь.

– Брось нюни туды-сюды ворочать, то ж не красивши, – молвила незамедлительно сестрица и легошенько выпучила вперед красные губешки, эдак выражая недовольство.

– Сие, ей-ей, Алёнка праведно толкует, неприглядно ты нюни утирываешь, – протянул Копша и тягостно качнул головой, поражаясь таковому в мальце изьяну, оно заслуживало

порицания (хотя, коль говорить откровенно дух сам обладал дюже скверными чертами нрава, заслуживающего еще большего порицания).

Отрок немедля дернул руку вниз и торопливо ступил вперед, пожалуй, только днесь (кады дух ему сделал замечание) почувствовав, как та привычка безобразно выглядела со стороны.

– Хоча бы язычком эвонто обилие лобызать, – несколько изменив дотоль высказанные предпочтения, отозвался кувшинчик и раскатисто вздохнул.

– Цыца тамоди, Кринка, – весьма повелительно молвил Копша, и, оглянувшись, обдал шедшую позади посудинку вельми строгим взором, каковой та словно уловив, враз смолка. – Кринка, дык вототко величают его, – пояснил дух, направляя молвь в сторону отрока. – Касаето глаз да ручек, дык пошто они ему, Орюшка, – продолжил он толкование, – абы и без того мерекает. А вспрянула Кринка поелику восприяла волшбу. Сперваначала кладенной Гаюном, засим мной, да ужось промеж нас перевитое Доброхочим. Дык и межмирье само оделено волшбой, токмо инаковой, чуждой Яви, Небесной Сварге али Нави. Поелику Кринка вспрянула, возымела ножки да ртину, а могти бы обреть крилья.

– О! як чудно! – откликнулся Орей и качнул восхищенно головой, ужоль дивясь услышанному.

А трясина ползла и ползла во все стороны, с наросшими кочками и густыми мхами, глубокими озерками, почасту покачивающими темно-синие воды. Здесь все чаще местность походила на мшину, где мох вытеснил иную растительность, посему за редкостью можно было увидеть кустарник али деревце, пускай даже и низенькую сосенку. И к аромату кислятины туто-ва стал примешиваться резкий запах тухлых яиц, каковой ребятишкам не часто в Яви удавалось познать. Гнус, досель летящий над головой густой тучей, теперича превратился в черную тьмутьмущую, порой загораживающей и сам рассеянный серо-голубой небосвод. Комарье лезло в уши, рот, глаза, нос, переплеталось с волосками и тем самым путало понимание происходящего... так-таки, лишая спокойствия, и словно подталкивая шагать, шагать, а, пожалуй, что и бежать вперед, даже без малой передышки аль отдыха.

– Ужотко того б женчюга хоча трогнуть перстом, – снова дыхнул кувшинчик и ступив в небольшую ямку, на малость пропал с глаз путников, только оставив в видимости покачивающееся туды-сюды с пережабиной горло на коем наблюдалась шевелящаяся трещинка-рот.

– Дался тебе тот женчюг, – негодующе молвила Алёнка и передернула плечиками, так вот возмущаясь не понятной ей жадности посудинки, и тому, что его маята, мало чем разнилась с гудением гнуса над головой. – И чё в нем имеется окромья чудного перелива.

– Дык ктой ж ведывает, чё ёсть, – не мешкая, откликнулась Кринка, и, выйдя из ямки часто-часто переступая лапками, поспешила вверх, словно желая и вовсе взлететь. – Чё ёсть в энтот женчюге лакомого, я ж его не зрел, в руках не подерживал, язычком не лобызал, перстом не трогнул. Тока слышал, аки он чудово свистает.

– То не женчюг свистит, глиняная ты посудинка, – сердито отозвался замыкающий странников Бешава, нежданно-негаданно принявшись прихрамывать на ножку... правую, а может левую. – Сие Жар-птица поет, – дополнил младший колток и сим вызвал раскатистый «охма» у кувшинчика, видать, поразившегося озвученным, отчего он зримо качнулся вправо-влево, будто заплутав в собственных лапках. Обаче устояв, продолжил свой ход, негромко проронив, словно и не желая, чтобы его услышали:

– Надоть же аки я маху дал в своих вожделениях. Значица сие Жар-птица свистала дык прекрасна, а не женчюг, – Кринка напоследок протяжно выдохнула и затихла.

И окончательно смолкли все иные звуки, и даже гудящий вой, летящих над головой, комаров. Понеже идущим казалось, что они здесь остались один-на-один с собой, и никого кругом не было. Потому также часточко духи и ребятишки озирались, желая осознать, что нынче они в этих болотных даях ступают все вместе, а посему нечего им страшиться. С тем

правлящим безмолвием в сей местности застыл и воздух, лишившись и даже самого малого дуновения, словно вокруг все замерло, не только в понимании звуков, но и дыхания. И все чаще да чаще уставшим детям, казалось, нет конца и края той стороне, тому межмирье. Да пролегает он не малым узким швом, связавшим Явь и какой-то иной Мир, а, прямо-таки, широченным привольем болот, каковой и за день, за два, за три не пройти, не обойти. Днесь, кажется, и Жар-птица, появляясь в небесах, больше не пела, не свистела, лишь часто-часто взмахивая крылами, нагоняла наземь зримую белую мороку, которая собралась широкой полосой впереди, втянув в себя зеленое приволье болот и серо-голубую даль небес, и единожды разогнала всю гнусь, дотоль тучей шедшей за головами странников.

– А то правда, гутарят, – молвила вопрос Алёнка и тяжело, прерывисто вздохнула, вроде ей не хватало воздуха. – Чё на небесах нет нечистой силы: злых духов, демонов, нежити. Оттого-то они и величаются небесами.

– Истинно, – за всех ответил Копша, и самую толику шагнув вправо, остановившись, взгляделся в проступившую мороку, едва поблескивающую злато-красными искорками света. – Небеса дык величаются, понеже тамоди нет бесов.

А легкая дымка с горящими искорками не то, чтобы смыкала небосвод и оземь, вспять она его отделяла. Али удаляла саму полосу, и поглядывающим вперед девонюшке да мальчоне чудилось то всего-навсего превратность стыка, зыбкая мельтешащая морока в коей иноредь вспыхивают лепестки пламени. От сей густоты воздуха у детишек спервоначалу закружилась голова, а потом на ноженьки навалилась такая слабость, что попервому остановилась сестрица, за ней следом братец. Да малостью погода уже оба они уселись прямо в густые мхи, и, склонив головы, изогнули дугами спины, ужель так вот уставши.

– Алёнушка! Орюшка! – воскликнули обеспокоенно колтки и разом подскочили к ребяташкам. Багрец к мальцу, Бешава к девчурочке. Только Копша и кувшинчик остались стоямя стоять, по всему вероятно, не ведая кому оказать помощь.

– Ноги не ступают, – за себя и сестрицу отозвался отрок да гулко выдохнул, так сильно обессилив. Да тотчас вместе с девчурой качнулся вправо-влево, мотнул вперед-назад головой, а прекратил колыхание лишь кады его поддержал под бок Багрец. А Алёнке подсобил Бешава и решившийся Копша, каковой уперся в ее бок собственным плечом и задумчиво протянул:

– Яснее ясного мы ступаем в Навь... Поелику сие межмирье вершится Смородина рекой. Огненной, смрадной, она кислядью мари смердит. И лязя по сему межмирье ступать токмо по мосточку кый для нас скрезь них торил чудовый клубочек... Чудовый таковой, Макошью дарствованный.

– Тык чё мы померли али помрем? – протяжно спросила отроковица, и, испугавшись услышанного, горько всхлинула. На глаза Алёнки миг спустя выплеснулись слезинки, опять же скоро соскользнувшие по щекам вниз, да утонувшие в материи рубахи на груди.

– Доколе усё энто туманно, – отозвался дух берегающий клады... Не больно в этот раз щадивший детушек, посему в следующее мгновение они уже всхлинули вместе, чай, не желая помирать... Али просто того пугаясь, как и положено ребяташкам.

– Не шугайтесь, сестрица да братец, – заговорили в два голоса колтки и легошенько вздрогнули под чадами, словно передавая им часть своих сил (даже в межмирье, даже поперед Нави) не растерянных. – Мы вам пособим!

И тотчас оба духа дернулись выпрсь, вроде как взросли на собственных ногах. Так, что вытянувшиеся вверх корни-ноги, единожды подняли и сами туловища, и сами головы, отчего ужоль в следующее мгновение руки ребяташек оказались на их плечах. Лишь Копша так и остался маханьким, поддерживая Алёнушку под стан, видимо, его способности в межмирье совсем растерялись, понеже он был очень старым духом.

А колтки и за ними детишки ужоль ступили вперед, содеяв спервоначалу малый шажочек, засим больший. Копша еще толику мельтешил обок девчуры, касаясь колпаком, одетым

на голову, ее стана, а потом все-таки поспешил вперед, и, вставши послед клубочка, возглавил спутников. И за ним немедля пристроилась Кринка, пожалуй, считающая, что только, этак, она может помочь все странникам...

И вот так они и шли...

Клубочек, Копша, Кринка...

Багрец и Орей...

Бешава и Алёнка...

Шли не один сиг, час али иной промежутки времени...

Так-таки, не выверенный нами... Не замеченный кем другим...

Диво дивным было то, что окромя Орея и Алёнки никто слабости не ощущал. Ни у кого из спутников ни кружилась голова, ни трясся (мелко-мелко) язык, ни дрожали ноги и руки. Всем тем, указывая, что Копша прав и может они поколь и не идут по Нави, но к ней неизменно приближаются.

А морока, вставшая впереди, все гуще и гуще пушала вверх злато-красные искры и рыжие лепестки пламени точно собираясь в мале зачатых тучными потоками огня, и с тем сжечь не тока самих странников, но и всю оземь кругом. Малешенько погода тот плотный чад и вовсе сменился на полымя, пусть и не густое, однако рывками выкидывающее лоскутки ярко-алой зари вверх. И тем румяным отблеском все больше и больше лишая сил девонюшку и мальчугашку так, что вскоре они не столько шли, сколько едва передвигали ноги и то лишь благодаря колткам. Каковые почитай тянули их за собой или на себе...

Морока промеж того проступала плотнее да ближе и становилась почитай густо-кумашной с выплескивающимися ввысь клочками пламени. Не то, чтобы даже вспыхивающими, сколько всего-навсего тянущимися и густеющими прямо на глазах. Понеже вскоре пространство впереди стало созерцаться частым розоватым туманом, теперь уже наблюдаемо даже не выплескивающимся, а ровно плывущим по земле и над ней. Отчего стало, казаться, то всего лишь кипящее молоко выбрасывает вверх розоватые пары, а может тока отдельные искры.

Посему малость погода и сама оземь стала перекидываться вправо-влево огненными каплями, пыхать розоватыми пузырями, оные зависая в аршине, покачивали туда-сюда не только собственными очертаниями, но и колыхали плотным чадом, плывущим округ. И чем ближе подходили странники к тому месту, тем чаще и мощнее изливала бело-огнистая полоса земли пузыри, насыщая все вокруг горьковатым привкусом, отдающим гарью с пожарища.

И все тяжелее да медленнее ступали ребятишки. От испытываемого ими головокружения и сама видимость стала рябить так, что вначале глаза сомкнул Орей, а за ним и Алёнка. А во рту у обоих детишек едким, горьким стала не только слюна, но и отяжелевшие, неповоротливые языки. Обаче, так как духи той тягости не испытывали, они продолжали, поддерживая, вести братца и сестрицу вперед. Ребятюшки остановились да столь резко тогда, кады во рту у них зачался, прямо-таки, пожар, и та горечь срыву спустившись по горлу в желудок, запекла изнутри. Поелику ноги отрока и отроковицы подкосились в коленях, и они ровно подрубленные, повалились на землицу.

А поперед спутников явственно живописалась широкая ветка реки, чудного серо-белого цвета, в коей зримо вспыхивали лоскутки кумашного пламени, проносились огнистые искры и выдувались крупные боканные пузыри. От легкой ряби светло-красного полымя и сама вяло-текущая вода отливала кровавым колыханием, а берега зримо белые, побольшей частью смотрелись с черевчатым отблеском. Над самой рекой, подымаясь выспрь, парили алые пузыри и такого же цвета плотный пар, напрочь скрывающий видимость иного берега. Понеже чудилось...

Чудилось, что другого берега и вовсе нет как нет, а сама река стелется на многие, многие версты, не имея конца и края.

Право молвить, в этом месте, наконец-то, слышимо проявились звуки. Дотоль если, что и можно было услышать лишь сказанное спутниками. А тыперича стало воспринимаемо шипение лохмотков пламени в реке, ее бурчливое течение и даже посвистывающее выдувание пузырей. Оные в свой срок, касаясь лоскутков пламени, с гулким звуком, лопаюсь, выпускали из себя кумашные пары. Вместо горечи с пожарища во ртах ребятишек вспять явилась сладость овсяного киселя, того самого который славяне вкушали на поминках по усопшим, тем соединяясь на самую толику с Миром Нави, а значит и со своими предками.

– Киселька бы... овсяного испить, – едва протянула Алёнушка, возлежа, как и братец, на спине и всматриваясь в поднебесье... серо-дымчатое, где оставляя позади себя золотую полосу летела Жар-птица. Такая далекая и, одновременно, близкая, обоим детишкам, словно давно покинутая родня или вспять давеча возвращенная.

А воздух много сильнее наполнился ароматом овсяного киселя (схожего с кашей), сдобренного молоком да приправленного для сласти клюквенными али смородинными ягодами. Единным духом запах киселя охватил девчужку и мальчика так, что они прикрыли глазенки (вроде готовясь к смерти), и тады ж, наконец-то, его учуяли и духи. А Алёнка и Орей неожиданно застонали от боли да в голос, абы горечь в их желудках, принялась ворча и шипя разъедать их изнутри.

А может...

То ворчала и шипела речка. Смородина речка. Огненная, смрадная река, которая кислятиной болот дотоль смердила. Река, которая жаждала извести весь славянский род, понеже ведала, зачем прибыли сюды ребятушки. И чего оставили они позади себя. И к чему должны были прийти и чего содеять?!

А в очах сестрицы и братца, и досель сомкнутых, стало совсем темным-темно, и ноженьки да рученьки ихние принялась сводить корча, а по всему телу прошло коробление членов. Из глаз девчурочки (так как мальчонка вже ничего не мог сказать, больно тягостно дрожа) потекли слезоньки, ровно она прощалась с жизнью.

– Алёнушка! Орюшка! – беспокойно вскрикнули колтки и томительно закачались тудыли-сюдыли на вытянутых корнях-ногах, каковые принялись уменьшаться в длине, обретая свой прежний вид. И с таким же участие к детворе кинулся Копша, да сдержавши шаг обок них, оглядел с головы до ног, удрученно исказивши свое лицо мельчайшими морщинками.

– Смородину речку давешние роды, налюднявшие Явь, – заговорил дух сберегающий клады, и, погасив в морщинках свои красные глаза, оставил только для взору вертлявый нос. – Ащё величали Млечной рекой, у кой кисельные берега. Авось-либо дык и ёсть.

– Может. Обаче ведь Смородина река, огненная, и разве ты не чуяшь, як от нее жаром пышит? – проронил Багрец, и резко дернул обоими плечами, посему они у него вздыбились подобно сучковатым веткам, выставив вверх остатки от срезанного отростка ствола.

– Дурбень, ты! – вельми грубо отозвался Копша, и, обзрев стонущих в корче ребятишек, срыву ступил вбок. Ужель опосля широко шагая, он направился к реке подле каковой подпрыгивал клубочек, вроде из шерстяной нити скрученный, огнистыми зернятками перекидывающийся с водицей, каковая зеленые кочки мхов по краю берега обратила в красную плотную поверхность, подобной корке.

Дух сберегающий клады подступил почитай к клубочку и горестно вздохнул, словно собирався содеять чего-то дуже ему неприятное.

– Дайте, дайте мене киселька, овсяного, – чуть слышно шепнул Орей и губешки его полные, ярко красные, лоснящиеся, зараз померкли. Сперва лишившись блеска, а засим и цвета, приобрета серые тона, схожие с небосводом, раскинувшимся над путниками, в оных перестала даже вспыхивать золотыми полосами Жар-птица.

И Копша услышав тот, вроде предсмертный возглас, стихший на последнем звуке, резко оглянулся. Днесь его красные очи, прячущиеся в складках лица, вспыхнули также ярко, как

и сами огненные брызги реки, а мигом погода досель переминающийся с ноги на ногу кувшинчик поспешил к нему. Кринка остановилась обок своего обладателя, и, беспокойно воззрилась вверх, притом слегка наклонив тулово, и вздев горло с трещинкой на пережабине.

– Дык, не взыщи, – процедил сквозь сомкнутый рот, упрятанный в красных усах и бороде, Копша и, на-ка, резво присев на корточки, подхватил под доньшко посудинку, да, не мешкая, кинул ее в реку.

– Чё творишь! – испуганно вскрикнул Бешава и, прямо-таки, икнув, качнул сначала головой, а засим ветоньками пицальника на ней, не тока зелеными листочками, но и черными ягодками. – Ежели Кринка утопнет, тебе вечно быть-побывать на ентом бережочке, абы ты не исполнил указания Доброхочего.

– Ежели чада опочиют, – глубокомысленно протянул Копша и вдругорядь слышимо вздохнул, сопереживая своей реченьке. – Толды нетути проку в мной хоженной стёжке... – дополнил он, выявляя тем говором удивительную благодность.

Дух разком свернул толкование, абы кувшинчик в реченьке не потонул, а окунувшись в нее, на чуток сокрыл в серо-белых водах собственное тулово, выставив вверх красные утиные лапки, часто-часто шевелящиеся в воздухе, точно жаждущие сейчас али попозжа (когда удастся вывернуться) поплыть вперед. Еще самую малость и Кринка качнувшись на водах вверх-вниз, так-таки, выровнявшись, приподнялась из реченьки. И немедленно тягостно ушла под воду почти до середины тулово (расширяющимся книзу с пережабиной под горлом), с тем опять же сразу шибутно заработав на месте лапками, вскидывая вверх яркие огнистые искорки и выдувая еще более плотные пузыри.

– Вотде тудыкась её тудака, – сердито протянул Копша и тягостно качнул головой, затрясся и всеми остальными челнами тела (будучи таковым взволнованным). – Надоть же було дык далеконько упануть.

Завершил он толкование, и, перестав трястись, как хворый али озябший, шагнул к краю Смородины реки. Дух качнул ручонками взад-вперед, самую толику присел на корточки, да, оттолкнувшись от мшистой кочки, полетел вперед. К всеобщему диву приземлившись на поверхность водицы, чай, таким побытом, используя остатки своих способностей. Одначе стоило ногам Копши коснуться воды, как сапоги, в оные он был обут, принялись медлительно погружаться в нее. Впрочем, сам дух сберегающий клады медлил чуточку времени, и ужотко в следующее мгновение, он, прямо-таки, дернул с себя синий кафтан. Не то, чтобы растягивая на нем медные пуговицы, а зримо срывая их, понеже они, разлетевшись в разные стороны, попадали в водицу, пустив притом широченные круги. А Копша вже сорвав и пролегающий по нему желтовато-блестящий пояс, точно прилепившийся к материи, да качнув кафтан туда обратно, кинул его вперед, как можно ближе к кувшинчику.

Кафтан... вельми такой приличный с виду (лишь чуточку испачканный землей), распахнув рукава и борта, просквозил по воздуху, и, притулившись сверху на воду, затрепетал на её ряби, покачивая на ней и концы золотого пояса. А сам Копша оказавшись голым, поразил взгляд колтков своим истощенным человеческим телом, выпирающими костями на плечах, ребрах, торчащим вроде дуги на спине становым хребтом, вдавленным животом на котором отсутствовал пупок. Не прошло и мига как на полотно плывущего кафтана, выуживая ноги из сапог, сиганул дух сберегающий клады, да сразу присев на корточки, протянул навстречу барахтающемуся в водице кувшинчику руки. Обаче посудинка была поколь недосягаема, а кругом как то и вовсе махом вспыхнуло боканное полымя и его лепестки перекинулись на материю кафтана, и даже на выглядывающие из водицы голенища сапог.

– Охти-мнешеньки! – болезненно вскрикнул Копша и немедля качнул головой вперед, сбрасывая с нее в выбранном направлении колпак, красный, округлый, да дюже красивый с виду, притом оголяя свою лысую макушку, и узенький лоб, прикрытый жалкой порослью златых куделек. А приводнившийся колпак, опять же с лету вспыхнул по краям материи и лего-

шенько вроде как выгнулся, видно, приподнятый выдувшимся из водицы пузырем. Да тока ему не удалось набраться мощи, понеже на колпак поспешно запрыгнул Копша, поджимая саму материю к воде, и единожды направляя руки к кувшину. Чудно так, но дух берегающий клады весь тот срок, что сигал по речке, не поднимался со корточек, и тем больно напоминал утку, от каковой Кринке достались лапки.

В этот раз Копше удалось ухватить кувшинчик за горловину и вытянуть его из воды, гулко стеная, будто обварив в том плывущем чаду свои ручонки. Впрочем, дух не жаловался на происходящее али боль, действуя торопливо, он рывком поднялся с присядок, прижав к груди посудинку.

– И чё, ты, такое диешь? чуть було мене не утоплять в энтой смрадной водице, – возмущенно протянула Кринка, дугой изгибая трещинку-рот (поместившуюся на пережабине), да внезапно раскатисто фыркнула, выпустив из собственных внутренностей (точнее из горла) большущий пузырь, махом лопнувший и превратившийся в алый густой пар.

– Смолкни, Кринка! – вельми грозно отозвался Копша, и, не мешкая, развернулся, качнув туды-сюды посудинку, будто с трудом удерживая ее в руках, каковые зримо поменяли свой землистый цвет на розоватый, почитай до запястий. Одначе ужель в следующий момент времени дух берегающий клады спешно прыгнул на полностью объятую пламенем поверхность кафтана обеими ногами, обтянутыми онучами (по каковым опять же перекатывались искорки полымя). Все также же скоро, едва коснувшись подошвами ног голенищ тонущих сапог, он вже погода оказался на бережке, крепко прижимая к груди кувшинчик. Право молвить, легошенько вспенив послед себя белые с черевчатым отблеском студенистые, али вернее кисельные берега.

– Эвонто огненная, смрадная река, – испуганно дыхнули сразу в четыре рта колтки, шевельнув чуть очерчиваемыми губами, расположенными не только на голове, но и животе, не сводя взоров с Копши. – А ежели та водица погубит ребятушек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.